

ПЕВЦЫ
НАРОДНОГО
ПОДВИГА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смена

**Пятилетка — ударный труд,
мастерство и поиск молодых**

Анатолий БАРАНОВ,
специальный корреспондент «Смены»

ВЕРНОСТЬ ОГНЮ

Бригадир присадил падонью короткие волосы, пробитые ранней сединой, натянув на голову затыльков сооружение из волошечной шляпы с пришитой для прочности каской, увеличенной, как плюшевая игрушка, стянутую ему зебраплом на органическом стекле: надел тяжелую, влажную куртку, тщательно застегнул все пуговицы, одернул рукава и полы своей сплоцедежды так обстоятельно, как, наверное, не всякий музыкант перед началом концерта франгопроправляет; потом аккуратно закрыл железные щиты, отдающие дупла и тулопы только тогда погорячились.

— Как думашь, пора? — спросил он Юраслава Юрчиника, и тот торопливо вскочил, нахлобучив на голову оранжевую каску, и всем видом показывая свою готовность ринуться за новым на товарищем, хоть в огни.

У бригадира на лице ни одна мускул не дрогнул, был по-парижски чист, как стекло, и это — не недолгительность его движений только же, все они точные, выверенные, хэйзинговые. Обер-мастер Петр Петрович Лыгин сказал о Лютом: «Он из тех, ком залом закроет да еще за дужку поддергает для уверенности. Хозяйня!»

По жеизленому трапу мы спускались вниз, в темноту, вспышки донимы из литечий дверь. Впереди идет Станислав Лютый, старший горнист днепропетровского металлургического завода имени Дзержинского, за ним Юраслав Юрчиник, доменщик Трояницкого металлургического комбината имени Великой Октябрьской социалистической революции, приехавший в Днепропетровск из Канады, чтобы продолжать метаплатформу и «наследие приносящий к восьмой печи». Они идут легко, привычно, «пол-матросским», и только я придерживаюсь руками за горячие перила лестницы.

На литечий двор бригадир нахмурился, подняв кусок застывшего шлака, бросил его в каску и сказал: «Лягься в него и вдохни воздух: чисто!» У нас есть, по Лютому промончал, как будто и не спишай позывы. По счёту мы посмотрели в глазок фурмы, и я ничего не увидел, кроме бушующего пламени, испещренного

черными точками, словно солнце пятнашки.

— Может кокс на фурмах, — сказал Юраслав.

Лютый кивнул головой, я подумал, он с гостем соглашается, но оказалось, бригадир этаким манером на работе распорядился.

Один заведский инженер рассказывал мне: «Пустили мы стан и Больше года мучились, пока его части притирали». А Лютый, отрывая жезл-бандуру, вдруг дернулся, жевал, прозарчал это как аксиома. Но бригаде Лютого «роду нет и году», а она уже неоднократно выходила победителем социалистического соревнования среди доменщиков и своего завода и всей «железной» Днепропетровской области: на ее счету несколько трудовых рекордов, грамоты из колхозов, промышленное звание «рабочий-изобретатель» и «рабочий-изобретатель новой domina». Услыхи бригады сдвигаютяют о том, что горновые, еще год назад работавшие в разных сменах, на разных печах и даже на разных заводах, притирлись друг к другу городзо быстрее, чем «железные» части того золотуного стана. Объединяло их общее дело, и работали они, по словам обер-мастера Лыгина, «без боя». Использованный первоначально на заводе комсомольско-молодежной бригады, «у огня, где словно под рентгеном человек насквозь виден».

Они быстро научились понимать друг друга не то что с полуслова — с полуслова. Лютый едва головой кинув, а Дмитрий Горинич уже бросился вперед, чтобы подхватить лягвонение показавший белый ручеек в нимбе отгнивших брызг, заполнил шаховую канаву и устремился вниз, к ковшам.

Бригадир взглянул на эту сверкающую ленту и пошел в будку газовщика.

— Газистый, — сказал Юраслав и показал мне бутылку с газом. Шланг действительно был светлый, прогреваемый, «газистый», то есть отвечающий у чугуна большое количество серы. Добрый чугунок уродился. И дома добрая.

Станислав стал доменщиком в общем-то случайно, поступил послушником в заводскую профтехшколу, где изучали, в том числе о его макетах не рассказывали, в группе доменщиков недобор — вот и зачислили без лишних разговоров учиться на горнового. Правда, тогда и для него безразлично было что домна, что мартен. Эти сейчас он считает, что выбрали профессию, как выяснилось, не сразу, а спустя полтора года. И вспомнил сразу попав в «железную» в бригаду олимпийского металлурга Ивана Иосифовича Задорожного. Тот учил молодых любил и умел, с месиц присматривался к задорожному к своему четвертому подрядчному, поручая ему самые разнообразные работы, а потому сам пошел к мастеру, уговорил перевести новичка в третью горновые.

— Если так дело и дальше пойдет, лет через десять бригадир становишься, — похвалил молодого горнового бригадир. — Только стараись, сынок.

— Я постараюсь, — пообещал Лютый.

Десять лет на то, чтобы подняться от четвертого горнового до старшего, — срок, по мнению доменщиков, небольшой. Официальных норм для подобного роста, конечно, не существует, но требования к бригадир предъявляются серьезные: он должен в совершенстве овладеть всеми профессиональными навыками, добиться мастерства, зная и чувствовать домуни... Многим на такую науку всей жизни не хватает. Станислав Лютый прошел этот путь в четыре года, стал старшим горновым в двадцать три и лет пять считался самым молодо-

За стомиллионную тонну чугуна

Ветречный план комсомольско-молодежной бригады

Второе рождение domina и Рекорд днепродержинских металлургов

дым бригадиром доменников среди металургов страны.

— Славки, слышал новости! — остановил однажды молодого бригадира Лыгун. — И восьмую реконструкцию собираются. Проект уже имеется.

— Вот когда мы Гладкого обойдем...

В герон метишь? — хитро прищурившись обер-мастер.

— Что вы, Петр Петрович! — смутился Лытот.

— Ты не красивый, как давеча. Обойти Гладкого — цель стоящая.

Герой Социалистического Труда Сергей Федорович Гладкий работает на седьмой печи показатели его бригады всегда были под прицелом заводских металлургов, одно время Лытот почти плотно приближался к звездам цеха, но из-за недостатка малости, но преодолеть элементарные «чуть-чуть» молодому бригадиру тогда не удалось — седьмую реконструировали, она стала почти здравомощной, и дотягнуть пропавшего золотого горнового по самому главному показателю — выпускну чугуна — оказалось невозможным.

Слышал, часто заходил к соседям, предпринимателям, чтобы узнать, что же делают. Однажды, вспомнив про свою, блаженную, изученную им рабочую ложечку, почти родиной. И в один из дней, когда ее «шубуша» разрезали автогеном, Лытот испытывал тяжелую жалость и умирающую печь, жалость, которую едва ли уравновешивала чувства радости от видя красавицы дамы, выросшей на смену.

Новый агрегат строили по соседству с действующим. Казалось, дома работали, а на самом деле и было, и было, но истинную цену этой стройности знали, наверное, только строители. Не просто было увязать их работы с жизнью старой дамы, работой цеха и всего завода. Пришлось пересечь железнодорожные пути, перестроить все коммуникации, согласовать буквально каждый шаг строительства с работами других трудностей хватало, зато новая вспомогательная сеть, как царевна из сказки, в старая по-прежнему давала чугун. Ее остановили, когда полностью подготовили замену. Горновые с умолкли печи разрознились по разным сменам и доменам. Лытот определил подменным, три недели заменил он прибывшего бригадира, увидев, что в отрядах горновых вспомогательно приподняли проводящий новорожденную, сверкающую свежим металлом, пахнущую молодой краской, склонную к исполнению всех надежд. Он забрале любил ее и верил в свои силы.

— Не надело еще в подменных ходить! — остановил его в разделке Петр Петрович.

— Теперь уже недолго. Сыншила, скоро зададут.

— И думавши сразу с незнакомкой управляться?

Домна действительно была обижена, но две летки, такие еще Лытоту не приходилось видеть, но страха перед этим новшеством он не испытывал. Подумалось...

— Один!

— Шленковщиком пойдет к тебе Дмитрий Торчинский, а первым именем-

ром будет Степенов Григорий. Горновые добрые да еще с дипломами. У тебя с институтом как? В хвостах, небось, весь? Ты рукиами не маши и на семейные обстоятельства не сваливай, рано или поздно, с диплом все равно потребую.

День выдался солнечный, редкие снежинки сверкали в воздухе, тавлы на черных боках застывших паровозов, увеличивали и без того впечатляющие тросты, опутавшие домну, устилали усиленный реконструированный фундамент горновской печи, на который и нужно было устанавливать новый агрегат. Впереди в истории домостроения передвигалась почти готовая, отфигурированная печь. Всю ее превышала однаждать тысяч тонн. Эрэплиц предложил поистине величественное, поэтому и не удивительно, что рядом со строительной площадкой собрались тысячи металлургов.

Ты, говорят, несмышленыш в бригаду набираешься, как будто раздумываешь спросил Всеволод Одущенко.

И ты себя к нам присылаешь? — засмеялся Лытот.

— При чем здесь я?

— При том, что я обера уговорил, и тебя к нам переводят. И еще один из старой нашей гвардии — Петя Воробьев.

— Так у тебя, ссыпал, уже есть первый.

— Две же летки, два первых и третий.

— Ясно. А вправду Лыгуну уговорил?

— Сам у него спроси, где-то здесь он.

Обер-мастер, придерживая руками маску, наблюдал за верхушкой медленно движущейся домны. Звенели тугие натянутые тросты, тихонько крутились огромные ролики, на которых новая печь плыла к своему вечному причалу. Рядом с обер-мастером Стасислав гендел своего старого товарища и помощника Анатолия Макаренко и бровлю к нему.

— Каким ветром?

— Южным, вестимо. Видишь, как повесят: прямо с корабля на бал.

— В отпуск или насовсем?

— Предлагают продлить контракт, но как ни красиво в Индии, а дома все-таки лучше. Ты о настальном только в книжках читал, а я эти годы на холмах сидел, к своему венчному причалу.

— Короче?

— Прямо пава, а не домна.

— Может, снова вместе придется?

— Только сюда я буду проситься.

Все-таки с восьмой уезжал.

Тихо подошел Дмитрий Торчинский, худенький, стеснительный, осторожный, тронул бригадира за руки: «Слава, я кадру хорошую привел. Возьмешь? Рядом с Димой стояла коренастый первенец парень, круглый, как колбаса.

— Где работашь? — спросил Стасислав.

— Да зверищного дня к Кривом Рогу обратил.

— А сюда почему потянуло?

— Мы с Димой в одной бригаде когда-то работали, он у меня домне краски рассказывал, а тут, в Днепродзержинске, у меня невеста. Ну, одно к одному, решили вот.

— Я за него ручусь! — вставил Дима. — Его зовут Иван Черныш. Может, слышал?

— Да, конечно, фамилия, — засмеялся Макаренко. — Смотри, и Слава лытотом бывает.

На пугай человека заранее, — отчаялся бригадир, — Еще скажет.

— Работу я понимаю, чего мне бояться.

Домна точно встала на свое место, и в воздух полетели шапки и коски. Было это 30 января 1974 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 24 [1142]
ДЕКАБРЬ
1974

наша обложка:
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕЦИНСКОГО КОМСОМОЛА
ХУДОЖНИК АЛЕКСЕЙ
КОЧУПАЛОВ.

Фото

Виктора Корнишова
СТАТЬЯ «СВЕТОСОСНЫЕ
КРАСКИ ПАЛЕХА» на 24—
25 страницах.

4

НАУКА: ФИЗИКА.
ТРИ РАЗГОВОРА И ЯМР.

12

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
СЕМЬ ХОЛМОВ НАД РЕКОЙ.

20

МОДА: ЗИМА-75.

22

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР СССР
КОНСТАНТИН БЕСКОВ:
И ВСЕ ЖЕ
Я ВЕРЮ В ФУТБОЛ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

К 30-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ,
ПОВЕСТЬ БОРИСА РАХМАНИНА
«ТЕПЛЫЙ СИТЕЦ»

СТАТЬЯ СЛЕСАРЯ ЮРИЯ КОРТНЕВА
«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

ТВОЯ ПРОФЕССИЯ.
РАБОТА СРЕДИ ПРАЗДНИКА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. Б. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семёнов, А. П. Середа, С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник Г. С. Терзибашянц

Технический редактор Н. И. Будкина

СМЕНА 1

«На боку горны обмыты, — сказала тому же я, кое-что читал из таких тем». — Но киним чугун варить — Собираясь в Кривой Рог, там сестра твоей давно работает. Подумалось...

— Один!

— Шленковщиком пойдет к тебе

Дмитрий Торчинский, а первым именем-

ром будет Степенов Григорий. Гор-

новые добрые да еще с дипломами.

У тебя с институтом как? В хвостах,

небось, весь? Ты рукиами не маши и на

семейные обстоятельства не сваливай,

рано или поздно, с диплом все равно

потребую.

В комитете комсомола доменного цеха на самом видном месте висят тщательно переписанное приветствие Генерального секретаря ЦК Леонида Ильича Брежнева, строптивые поздравления, меморандумы всем участникам реконструкции доменной печи № 8. В этом приветствии, в частности, сказано:

«Центральный Комитет КПСС выражает уверенность в том, что металлурги завода сделают все, чтобы в короткий срок освоить мощность доменной печи, обеспечить выполнение принятых социалистических обязательств на 1974 год и заданий пятилетнего плана».

А рядом с этим приветствием — социалистические обязательства комсомольско-молодежной бригады Станислава Лютого:

«...за счет освоения смежных профессий и повышения квалификации повысить производительность труда на 1,5% против плана»;

работат без нарушений графиков выпуска чугуна и шлаков, достичь пропускной мощности доменной печи в месяц раньше срока; дать сверх плана 4 400 тонн чугуна...»

Прежде чем принимать обязательства, молодые металлурги тщательно взвесили свои силы и возможности, и все же каждый день работы приносили им новые знания, обогащали их опыт, поэтому накануне открытия XVII съезда ВЛКСМ они перестроились своим обязательствам: пообещали дать сверх плана 5 750 тонн чугуна и отдать его в урановых доменных цехах, решив завоевать право участия в выплавке стомиллонной тонны чугуна в стране. Последнее событие должно произойти, по расчёту металлургов, в конце декабря, доменщики страны стремятся приблизить этот день, дать как можно больше металла. Среди них и комсомольско-молодежная бригада Станислава Лютого, уже в конце октября выполнившая свои обязательства. Сейчас бригада скрупулезно рассчитывает свои обязательства на будущий, завершающий год пятилетки.

— Мы придаём большое значение точности социалистических обязательств, — говорит секретарь комитета комсомола завода Евгений Нечесов. — На наш взгляд, одиночные вредны и занимательные обязательства, а также Потребительская осенью начавшиеся кадровые и молодежные коллегиумы начинают разрабатывать свои встречные планы и социалистические обязательства. Помогают им в этом мастера, руководители различных служб и цехов, экономисты. Регламенты, конкретные цифры встречных планов и социалистических обязательств дают возможность учесть сегодня заглянуть в будущее, помочь каждому рабочему добиться поставленной цели.

На «восьмерке» только по привычке называют большой светильный зал, похожий на нынешние стеклянные кафе, будкой газовщика. Стенами этой «будки» установлены стеклянные приборы, из которых «сияющие» самогонщики измеряют кривые температур во всех купелей, которые издали похожи на огромные серебряные сигары, щелкают бесчисленными реле, на световом плане домны вспыхивают лампочки, сигнализирующие о загрузке печи.

Макаренко заполняет шахтную книгу — своеобразный витражный журнал, где тщательно фиксируются все работы, проводимые доменщиками. Мы, бывшие доменщики, не видели ее, укрепленную над пультом. Макаренко согласно кивнул, поставил в журнал закорючку подпись и сквачился за трубку телефона: «Как ковши? Нет, немедленно. Вы нас из гравии выбиваете!»

Прежняя печь едва давала потоки тысячи тонн металла, сумев напечь ее в раза больше, но количество чугунозернистых ковшей в цехе совсем не увеличилось и, как ни странно, простота у доменщиков, чего этого случается именно из-за того, что некуда сливать готовый чугун.

Минут через десять задышавшим вниманием старым паровозиком, за них тунцом заселочка огромные ковши, некоторые из них были покрашены в ярко-красный цвет. Ковшами ковшами застывшего чугуна ковши не успевают обрабатывать на спешливом опровергивающемся стендце. Горновые, правда, не жалуются: и таких бы побольше, они приспособились пробивать эти кирпичи огромной, тонн в десять чугунной чушки.

— Привалило моей бабке работы, — засмеялся Иван Сычев и добавил: — Чуть-чуть болтанки, я попытался набросить серу на второе, но горновая легонько оттолкнула меня — моя работа, сам и справлюсь.

Болтанка опустилась в ковш, прогомлев своей тяжестью чугунную крышку, подняв тучу пыли и рыжих искр.

— И вправду тот чех в горновых ходит? — спросил Иван. — Непохоже что-то, болено куденый.

— Горничный, наверное, построй-нее будет.

— А Филипп он двуличный, а это все же инженер, кто их там знает!

Сквозь грохот ломающегося ма-таппа и салют искр из очищенного ковша.

Макаренко пробежал по литеиному двору, махнул на ходу рукой Людому. Бригадир не торопясь пошел к своему пульту, с грохотом раздвинул железные щиты, всплынули уже стоявшими наготове консортур брэдleys — Григорий Соловьев. Тот тоже торопливо склонился в центр летки. Тоннажная бурлящая машина, пробивавшая сквозь окаменевшую в огне глину.

Вася Одущенко, Янчик Чекалов, Саша Бекешев, Юра Сычев и другие члены бригады собирались на «мостике», молча ожидали появления чугуна. Каждую смену они выпускают три-четыре плавки, каждую смену дают около тысячи тонн металла, но каждую плавку ожидают, как первую, — волнуются, — волнуются.

Огонь и металла завораживают людей.

Из летки сначала вырывалась вихрь разогретого дыма, брызнули снопы искр, по литеиному двору прокатилось громовое эхо, засверкали первые всплески. Печь еще с минуту отфрикалла газом, отплевывалась брызгами шлака, но постепенно смирилась. Только бушевал огненный поток, он быстро заполнил первый же лоб и в канаве устремился в красную пыль, вспыхнувшую внизу.

Говорят, добрый чугун выйдет — радостно кричал мне Юрийчик.

— Не отнимут шлака серу, она бы сейчас плывала сверху, как жир в супе, а так сера в норме, кремний в норме, видишь, какая искара крупная да высокая.

Я удивленно посмотрел на Ярослава. Ничего не было странного в том, что он не глядя расположил марку между ковшами — сколько лет простоял у горна, уединился в том, что он горюет мне то же самое, что и Лютый накануне: о той же высокой метелике искр, о теж же жирных пятачах... Они были все-таки похожи — крепкий, немноголюдный, экспансивный Ярослав Юрчик.

Добрый чугунчик варничи — кричал уже чешский доменщик со звуком, и наш бригадир довольно улыбаясь.

С грохотом низвергалась в ковши кружящаяся бесконечной огненной реки металла.

Илья ФОНЯКОВ

Кинематографическое

Не проходит ощущение,
Что в кино для воплощения
Разных творческих идей.
Несомненно, очень ценных,
Справедливых, современных,
Губят много пошадей.

Ах, как страшно и красиво
Через голову к обрывы
Конь —
Хрипка, как человек!

Руяется, путаясь, постремки...
Что за кадры, что за съемки,
Блеет какда даает!
Все — с подтекстом, все, конечно,
Интересно бесконечно,
Лишний вот только жаль.

Вот в стремительной атаке
Распластались арагами,
Вот — погоня, вот — ноги.

Вадим КОВДА

Поздняя осень

Город Старица

В центре города Старицы

поют сверчки

и картошка растет в палисадниках...

В центре города Старицы

гомонят мужчины

у кафе, волеи новой гостиницы.

В центре города Старицы

клубенки церквей

да косые дома деревянные,

нес широкая Волга...

неспешно течет —

высохи берега зеленые.

Город Старица стар,

постарей Москвы.

Козы щиплют его мостовые.

В центре города Старицы

растут цветы,

не садовые,

а полевые...

А где кремль был

запах, победа.

Слышино, Волга негромко

поллекивает.

Да не знаю, где

песни поют —

за полями, за перелесками.

Черны и строги деревья,
черны листы и травы...
И я был прав, и ты права,
и все на свете правы.

Кругом пустыни и темно.
Вот так-то и бывает.
Хоть лето кончилось давно,
зима не наступает.

И для того, чтоб дальше жить,
чтоб все забыть и бросить —
пришла пора повременить —
необходима остановка.

Необходимо отстрадать,
необходима плата.
И все было не предать,
а только лишь оплакать.

2

Когда-то коснулось,
спользнуло,

но мимо направило путь.
А нынеш в глаза заглянуло,

и я не могу отвернуть.

Открылась такая примета,
старинная, как видо, закон,
когда ни зима и ни лето,
лишь боль, разорены и стоя.

И я, благородный, свободный,
узнал, как о смерти дитя,
тот тайный процесс

переходный

и стал осажден и ведом
под скрытыми временем прижмы.

Зеленое поле, как летом,

и холод, как будто зимой.

Воспоминание о пушкинском заповеднике

Мне шестнадцать. В Михайловском — лето.

Мама водит экскурсии днем.
Темный сад, собеседник поэта,
Вечерами шумят за окном.

В нашем флигеле теплится свеча
По причине половины двинки,
Огонек — золотое сердечко —
В ореоле трепещет спелки.

И теней величавые складки
Шевелятся порой на стене,
Словно кто-то в широкой крылатке
Подошел и склонился ко мне...

Молодость

Как светлы глаза большие эти —
Голову способны закрывают!
Все пока ей нравится на свете,
Потому что нравится ей жить.

Обычайнейшие чудеса.
Простое волшебство:
Мой лоб, мой взгляд,
мои глаза
у сына моего!

Душа — своя, судьба — своя,
Всего не передашь.
Но точно так же, как и я,
Он держит карапандаш.

Вот он слыхается во двор,
Проходит по двору,
Кричит приятель:
«Бобер!»
Нет, весь я не умру.

Нравится подружки: Нинка, Ленка,
Множество подружек и друзей.
Нравится Асадов, Етушевко,
Пушкин, Блок и Марков Алексей!

Первый снег

Я утром глаза открываю.
К ону! Все блеско опять.
Пойду-ка, пойду погуляю —
таково нелыя успокаю.

Ах, небо, ноябрьское небо —
снеги небес вспеи.
Водичка от первого снега
сочится, как радость во мне.

Мы к снегу еще не привыкли.
Лежит он, почти не почат.
И даже вороньи притихи,
и даже моторы молчат.

Всю ночь упадая белично,
всепленской любви покорясь,
ложился на мокрые травы
и пухом — на мокрую грязь.

И вот, побекли эти крыши
и кисть гимнуса утром,
он, кажется, все еще дышит,
о смерти своей позабыл.

Илья цветет. Переукитихи.
Пряные запахи в небе распылились...

Чувствую, чувствую: зашевелились
где-то под сордем стихи.

Тут не спугнуть. Замолчи и умри.
Все отмы, отмы свои властью...

Чувствую, чувствую... где-то внутри...

там, где поконится счастье...

Липа цветет. Переукитихи.

Пряные запахи в небе распылились...

Чувствую, чувствую: зашевелились
где-то под сордем стихи.

Тут не спугнуть. Замолчи и умри.

Все отмы, отмы свои властью...

Чувствую, чувствую... где-то внутри...

там, где поконится счастье...

Стояла церковь у реки,
так плотно азинная в небо, —
след человеческой тоски

среди безмолвия и снега.

В холмодун, мутном декабре
полупраздненные своды

стояли на пустой горе,

и к завершению природы,

Ни слова, ни дала голосов —

горы над боями рекою.

И этот снег, как зов

неутоленного покоя.

Так человек, он, значит, может!

Он, значит, момент! Значит, мог

творить восторженный, и строже,

и вдохновенный, чем бог,

плотью слабой, плотью тленной

своего оттиска торжества,

и доказать глухой всепленной

нетленность духа своего!

Лев СМИРНОВ

Гроза

Вешний полдень стоял среди трав,
тышиной усыпаных,
но качалась вдали, громыхая
за лесом, гроза.
Из-за черных стволов на сплетенные
руки влюбленных,
сторавившихся от книги, смотрели
чужие глаза.

В первозданном молчании жеребят
вершился высокий,
боль росла из земли с молодою
травой копотью.
Улыбаясь зениту, всходили
древесные сени,
как по трубам стеклянным,
по грунты и ющим стволам.

А гроза приближалась —
ее приближению предела
даче строй журчащий не мог
положить в снеге.
Недочитанной книге почти
бездыханное тело,
не стерлев этой мукой, вялостью
в зеленом траве.

Сквозь замки вековые стучались
сизинами завязы,
с цветом белой ромашки сливались
тугое плечо,
слез не знали глаза, и сандовата
робкого зависть
в этот мир золотой верголейки
не стала еще.

От ударов грозы не разбились
стеклянные трубы,
и не брызнула на землю весенний
напористый сок.
Если тоски немозиной еще
не изведали губы,
еще солнечный луч сединию
не лег на висок.

Еще сердцу навек не открылось
значение большое
недочитанной книжки, упавшей
в траву, в забытье...
Но болела земля потрясенной
свою душою,
и в грозе приближившейся боль
отдавалась ее!

Чтение Тацита

Я Тацита читал в грозу
в какой-то залюстрированной чайной,
что может быть необычайней,
чем чайные Тацита в грозу
в какой-то допотопной чайной!

Передо мною древний текст
особым смыслом наполнялся,
когда вокруг народ смехом,
когда соед ругань бифтеки,—
меж тем Тиберий к власти правил.

Механик хлуро ел салат,
и кто-то с миою хильменью
лез в дверь, напутанный грозою,
и, как Калигула в сенат,
тиху хильдился за собою.

Бифтеки говорил: — Мирон! —
И добавлял питиально-крипто: —
Еще желания ли... от гриппа!
А уху слышалось: — Нерон!
А уху чудилось: — Аргрима!

Метались теми обланки,
на лико здравие похожи,
и холода бензин по коже
от пролетающих веек
и от словечек крепких тоже.

Сосед мой, с бледром дорогим
расправившись, преобразился,
веселым смехом разражись,
тост предлагай!. А Древний Рим
все глубже в кризис погружался.

Воздухи мирно щебера,
келепят с зарплатой поздравляли
и векса под подозрения,
какая вспышка пора,
какие битвы назревали.

Ах, Таци! О неповторим! —
А чайная — такое место,
где чайные книжки неуместно...
Но глят... но дождь... но Древний
Рим...
Все совпадало так чудесно!

Рисунки Михаила ПАПКОВА

НАУКА: ФИЗИКА

Евгений РЕИН,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

ТРИ РАЗГОВОРА И ЯМР

Разговор первый (в лаборатории)

В комнате было буквально негде повернуться. Я еле-еле пристроил табурет между термостатом и компьютером. Тийт Салувеер сидел рядом, и похоже было, что мы собираемся спать вдвоем.

Другие углы лаборатории были заставлены так же тесно — столы, спектрометры, усилители, тубочки с препаратами и в центре — мощный электромагнит. Все это закрывало от меня сотрудников. Только когда хлопала дверь, я понимал — здесь есть еще люди.

Все вместе это называлось — «Группа по изучению кибернетики Академии наук Эстонской ССР».

Что же это за ЯМР такой? А это — ядерный магнитный резонанс. Тринадцать лет занимает он умы эстонских ученых. Не дает спать ученым в самых разных концах планеты — в Калифорнии, Лондоне, Праге, Москве. Выходит в Лондоне специальный журнал, целиком посвященный ЯМР. И редактирует его эстонский физик член-корреспондент Академии наук Эстонии Эндила Теодорович Липпман.

Приблизительно так и начал свой рассказ кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник института Тийт Салувеере.

Спустя три-четыре года после начала работы [то есть в 1964—1965 годах] были получены первые спектры ядерного магнитного резонанса, спектры протонов и углерода-13. Спектр

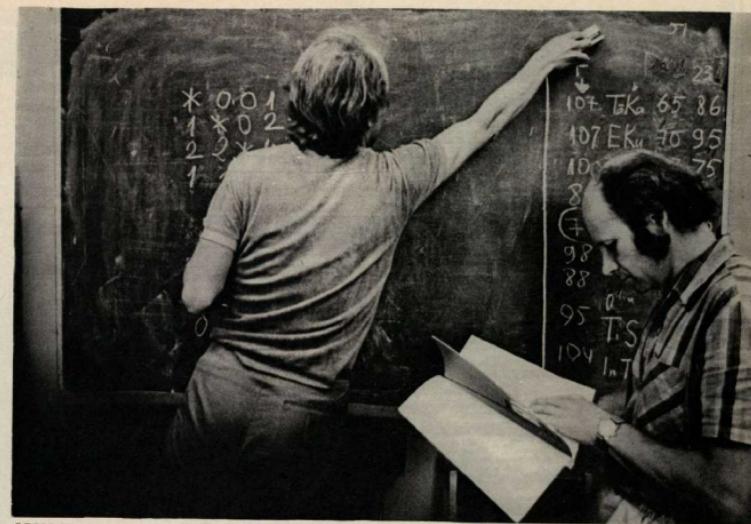
улгероды эстонцы получили первыми в Европе. В 1968 году получены сигналы от других гетеродизеров, в нашей стране все это впервые исследовано и описано здесь.

Сейчас работы, что называется, в самом разгаре. Во-первых, разработана весьма многообещающая методика — двойной резонанс [он принимается не только от самого ядра вещества, но и от других протонов], иично появилась возможность применять различные устройства [тот самый компьютер, оного которого в упомянутой статье]. Во-вторых, налажен обмен информацией с коллегами в США, Чехословакии, Швеции, Англии.

Ну, что еще!

Лаборатория ЯМР в 1972 году засвои научные успехи получила премию СССР по науке.

Ну, а что же все-таки такое ЯМР? Хотя бы в самых общих чертах. Это — явление, использование и изучение которого дает современной науке один из самых тонких и точных методов анализа вещества. Если вещество внести в магнитное электромагнитное поле, то спины [магнитные моменты] ядер его, составляющих атомы, ориентируются или под зигзагу поля, или против него, но все однозначно. Если же в эту систему ввести еще добавочное переменное поле, то спиновая система выйдет из равновесия. Когда добавочное поле будет снято, система начнет возвращение в равновесное состояние, и тогда при помощи спектрометров или иных приборов можно получить ин-

ЗДЕСЬ ПРИЗНАЮТ ЛИЧЬ ТАКИЕ АРГУМЕНТЫ...

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК ЭСТОНИИ ПРОФЕССОР Э. Т. ЛИППМАА.

МИР ЭЛЕКТРОНИКИ.

Формацию о строении вещества ЯМР имеет чисто «научное» физическое значение [что якорится, что завтра он не станет самым насущным фронтом прикладной науки!], но, кроме того [что очень важно!], эти знания дают ценные данные для изучения структуры сложных химических соединений, а также для получения сигналов ядра. Ведь при комнатной температуре эти сигналы на несколько порядков ниже уровня шума, потому-то их так трудно зарегистрировать.

И вот мы с вами к выяснению всех этих проблем летим через ЯМР.

Тут Тийт Салупэрэ стал показывать мне какие-то запутанные кривые на бумагах, разбросанных в клеточку, некие таблицы и формулы, и я понял, что предел моей понятливости настал.

— Тийт, — сказал я, — расскажите лучше, как все это началось, как вы работаете, не спешите, не давайте вам какие-то запутанные кривые на бумагах, показывайте свою авторитетность профессора Липпмая, ну и обо всем прочем, что имеется, на ваш взгляд, наставительство к этому загадочному ЯМР.

— Тогда я начну со своих товарищей, — начал Тийт. Так где-то очень мало. В нашей группе было пять человек. Кроме ЯМР, мы занимались еще биофизическими проблемами: влиянием высокочастотных магнитных полей на ферменты и некоторыми частными вопросами загрязнения атмосферы. Есть среди нас теоретики и экспериментаторы, есть кандидаты наук и совсем молодые люди, которые стоят на стартовых курсах института. Кроме Липпмая, докторов пока пока нет. Как мы работаем! Каждый занимается своей узкой проблемой, и, когда он получает какой-нибудь результат, он обсуждает его с Эндреем Теодоровичем. Тут главное решить, что делать дальше. Липпмай, кстати говорю, он старший товарищ, лучше сказать, наставник. Он, кстати, противник радиоактивного загрязнения, обязательного подчинения младшего по положению ученическому старшему. Нет, утюю. Сам исследователь часто не видит всей проблемы, он идет по узкому коридору своей задачи, и взгляд со стороны, да еще человека, имеющего широкую

Разговор второй (у кофеварки)

эрудицию, на широком фронте, такой взгляд просто необходим. И вот него нечаянно застали сиднуться с места. Естественно, у исследователя есть результаты, у него публикуются результаты, есть союзные журналы, есть международные. Еще несколько слов о Липпмайре Пожалуйста. Он родился в 1930 году, в 1954 году защитил докторскую со специальностью химико-технологической, и сразу стал кандидатом наук и тогда же стал заниматься ЯМР. А в 1961-м был организован сектор физики Института кибернетики. Липпмайр стал его руководителем и руководил по сей день. Тогда он был единственным кандидатом наук в стране. Сначала под его руководством «выпрыгнуло» уже десять докторских. В 1969 году Эндила Теодорович стала доктором наук, а в 1971 году — профессором по химической физике в физическом химии сразу. В 1972-м стал членом Европейской Академии наук. Все это тут ученики Липпмайра. Очень многие вышли обзамыты. Вот в личке очень многими. Наверное, и другое тоже. Но, если хотите, спросите у них сами. И потом, конечно же, поговорим с Эндилем Теодоровичем.

Но в тот день профессор Липпмайр был занят...

Шинкарная кофеварочная машина какой-то заграничной фирмы, поблескивая никелем, отливая пакеты, пускала струйки пара, издавала скрипучие звуки гораздо более сложные, чем приборы, с помощью которых эstonские физики пытались проникнуть в тайны ЯМР.

Над машиной приколоты были к стене таблицы кофейных рецептов с указанием доз кофе и сахара и времени кофеварочного процесса в минутах. Сдвоенные булочки в плетеных корзинах довершали этот научно-образовательный ансамбль.

Перед машиной стояли высокие табуреты, вроде как в стойке модного бара. Худощавая темноволосая женщина мыла чашки.

Кофейный аромат был так прекрасен, что немножко соблазнил ее, и она, порошком, представившись и не просиялся на угощение.

Кофе был сварен, и, хотя в Эстонии хороший кофе совсем не редкость, этот был выше всяких похвал.

«Что же, не удивительно, — подумал я, — технологию разрабатывали экспериментаторы и теоретики с учеными

степенями, пользовались для этого ЭВМ и Бог знает чем еще! Вот и результаты».

— Да, и кофе мы относимся серьезно, — подтвердила моя догадка темноволосая женщина. И завязалась небольшая беседа.

Моя собеседница оказалась начальником физико-математических наук, теоретиком и исследователем ЯМР по имени Абира Олвисон.

Да, она тоже ученица Липпмайра. Она закончила Рийакский университет, у нее двое детей. Она считает Липпмайра превосходным научным руководителем, деятельным, творческим, оставляющим своим сотрудникам необходимую свободу, но не отпускающим их на болото волни.

После кофе мы перешли кофейное приятство. Пока машина урчала и посыпалась, я стал вникать в геометрические выкладки высшей кофейной математики и вдруг увидел, что между рецептами приклеены к стене и над кофеваркой еще какие-то листы.

Напечатаны они были на машинке по-эстонски, но нечто замысловатое, почти художественное в расположении слов и периодов заставило меня

предположить — нет, ни к ЯМР, ни к кофе они отношения не имеют.

— Чити это!

— Стихи, — ответила Абира. Это наши ежонимные поэты публикуют таким образом свою продукцию.

— И вы действительно не знаете, кто автор?

— Ну, моя предположения нельзя считать доказательствами.

— Понимаю, сугубо научный подход...

— Пожалуй.

— А что это за стихи?

— Попробуйте вам перевести... — Абира помолчала немножко и начала читать, что называется, с листа: «...О чайка над ночным морем, спящий, — и вспомнил, как все это может автомобилей фирм разбиваться на пельхами дощад на миллион светильников, когда ударом «сухой лист» попадет в средний забор последней гол, я, на конец, проснусь, и железнодорожные расписание подскажут мне ответ на все вопросы моей жизни, за все гаданья, на все взоры, все встречи, на пути на работу давушек, а чайки над ночным морем все еще делали крути...»

— Вы не шутите, Абира, может быть, это сочинки комьютеров?

— Нет, нет, это личное творчество, абсолютный авангардизм...

Глаза её смеялись, уж не знаю, над кем, надо мной или над неведомым авангардистом-физиком.

В это время к кофеварке подошел молонавый, очень элегантный мужчина в очках с позолоченным оправой. За них шли еще двое. Человек в очках присядел за приготовление кофе.

Это и был Эндила Теодорович Липпман, а кофе он угощал своих гостей, физиков из Венгрии. Поэтому он и не сумел принять меня в этот день, был занят разговором с венгерским коллегами. Мы договорились о встрече на завтра.

Разговор третий (в кабинете)

— ...Начальная работа вполне может сравниваться со спортивной. Что нужно для успеха? Способность плюс трудолюбие, плюс обширные знания. Но что, если из этой формулы опустить, как бы хороши ни были оставшиеся компоненты, все равно результат будет неудовлетворительным. А вы думаете, что от квалифицированного рабочего в принципе требуется иное, нежели от ученого! Схема остается той же самой, но, пожалуй, ученым необходимо больше времени на поиск. Есть область наук, находящаяся связанными с художественным,— воображение, способность к концентрации всех сил. То, что в старину называлось эрудированением. Еще ведь Пушкин сказал, что оно в геометрии так же необходимо, как и в поэзии...

Липпман говорил спокойно, рассудительно, как бы никого не спеша, хотя его наверху ждали десятки сплошных, срочных, сиюминутных дел. Он сидел в светлом, крио-кабинет на-

кабинете за большим и удивительно пустым столом.

— Что вы понимаете под задачами научного руководства?

— Ну, во всяком случае, не поголовный контроль. Нас тут слишком много, чтобы я, если бы я засекла даже смог бы результативно заниматься с каждым из 14000 научных руководителей. Ученый, даже назначенный руководителем, сам знает свои ближайшие задачи, общее направление работы, структуру связи с коллегами. Но долю руководителя выпадает общее генеральное руководство, то, конечно, с вмешательством в тех конкретных случаях, когда это необходимо. И, увы, администрация, тут уж не буду скрывать, не открылась. Я бы сформулировала свой способ так: «Максимальная научная свобода при условии выполнения плана научной работы и безупречного личного прогресса каждого исследователя».

— Что сейчас волнует вас более всего в вашей работе?

— Пограничные биофизические темы. Например, исследование методом ЯМР структуры белков-ферментов. Ну и, конечно, твердое тепло, спектры высокого разрешения. Вот совсем новая, интереснейшая, на мой взгляд, проблема — металлоорганическая химия. Кстати, к этому уже подключается краеведческое внимание.

В комнатах раз три подряд загнули чьи-то нетерпеливые глаза. Даже при «генеральном» руководстве работы у Эндила Теодоровича хватало.

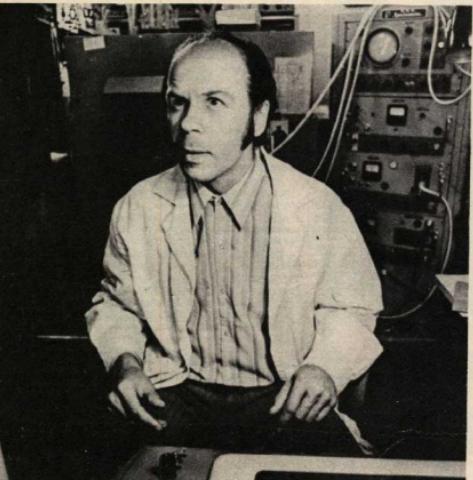
Я стояла прятаться. Вспомнил свой первый взгляд в лаборатории, табуретку, закутанную между приборами, на которых просто не вспомнишь, нечто болтающееся сюда, сюда, сюда. Уже теплее научный коллектив добивается на первых порах, еще не признанный, молодой, в тестике и при малых средствах творящий «величиина» своих дел. Липпман улыбался. Видно было, что диплантские эти штуочки ничему в серьезной науке не соответствуют.

Мы смотрели — с гордостью сказали он — скоро вступят в строй новые помещения, у нас будет пре- восходное оборудование, все только начинается. Президент-ка година через три, вот тогда увидите!

Я пообещала...

КАБИНЕТ ПРОФЕССОРА ЛИППМАА ВСЕГДА ОТКРЫТ ДЛЯ КОЛЛЕГ.

РУКОВОДИТЕЛЬ ГРУППЫ ЯАН ПАСТ.

После выступления «Смены»

«За порогом ПТУ»,

«СМЕНА» № 9, 1974

В статье Владимира Гусарова «За порогом ПТУ» была поставлена проблема адаптации и запрещение в производственных рабочих, приходящих на заводы и стройки из профтехучилищ.

Также московское шелковое комбинат имени Розы Люксембург «Красная Роза», отмечалось в статье, в прошлом году ушло 426 человек. Причина чаще всего связана с тем, что выпускники профтехучилищ, которые уходят именно по этим причинам и менее всего изображают материального порядка. К тому же в общении с работниками комбината, которые уходят из профтехучилищ, нудаляются в ремонте.

В статье были высказаны критические замечания и в адрес московского комбината, где выпускница профтехучилища, и в адрес московского завода «Красный пролетарий», где не всегда по назначению используют выпускников.

В статье был поставлен вопрос о необходимости усиления контроля со стороны администраций и общепрофсоюзных организаций на производственных рабочих на производстве. Статья «За порогом ПТУ» была обсуждена на комбинате «Красная Роза» и в Государственном комитете по труду и социальной защите по использованию молодых рабочих на производстве.

Вот что сказали в редакции:

МОСКОВСКИЙ ШЕЛОВОЙ КОМИНИАТ ИМЕНИ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ «КРАСНАЯ РОЗА»

Проблемы, поднятые в статье, призывают правительство, издавая соответствующие указы, устранить из производственных рабочих местах указанные деревянные настилы в 150 производственных мастерских.

Чтобы создать необходимые климатические условия, в стенах мастерских, цехов, производственных зданий комбината получит в первом квартале 1975 года деревянные настилы, складывающиеся в цехах в целом, и в частности в складах, производственных цехах, развернуты работа по насташничеству. В цехе создано шесть мастерских, в которых работают 150 рабочих, где будут разгружены выбраны комсомольцы, и из каждого бригады, пропислен наставник — член КПСС. Вольнонаемные комсомольцы комбината, имеющие рабочую практику, получают на изыскания лотыши и другие пособия.

В третьем квартале решены премии ремонт общепитных зданий, где будет развернута работа по насташничеству. МТП РСФСР дополнительно выделены две тысячи рублей на строительство мебели для общепитных.

На заводе «Красный пролетарий» производственное питание производят ранчо-кухни. В 1973 году комбинат исполнит 100 лет со дня основания. В течение производственного года на производственных предприятиях комбината будет создан специальный отряд из четырех человек, который будет заниматься вопросами контроля.

По итогам совещания с ВЦСПС при местных управлений созданы общественные инспекторы, в работе которых принимают участие свыше восьми тысяч общественных инспекторов.

Государственный комитет для указания местных управлений потребовать в составе общественных инспекторов присоединения к общественным рабочим аппарата и учебных заведений. Двадцать шесть центральных комиссий отраслевых профсоюзов рекомендовано включить в общественные профсоюзы выделить в состав общественных инспекторов представителей.

Городские общественные инспекторы мы ставим две важнейшие задачи: обеспечивать щадительный прием на производство рабочих из местных рабочих, а также проверку правового использования мультитоннажного оборудования. Госпотребреческим РСФСР специальным письмом запрещено местным управлениям направлять рабочих на производственные места, не имеющие предприятий; осуществлять поверку и контроль за их правильным трудовым использованием и нулевыми нормами труда.

В этом году снизим общественные инспекторы осуществление проверки готовности всех хозяйственных организаций к приему рабочих из местных рабочих, а также проверку правового использования мультитоннажного оборудования на производстве выпускников профтехучилищ. Госпотребреческим РСФСР по этому вопросу придано специальное постановление.

Общественные инспекторы должны проверять правильность правового устройства выпускников профтехучилищ на предприятиях легкой и текстильной промышленности, а также на стройках. Проверка должна проводиться на совместном заседании президиума ЦК профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности и коллегии Госпотребреческим РСФСР.

И. СКОРОПОД, начальник Государственной инспекции

МИССИС ХАЙТИ

Б Кенин доволен. Алано от Найроби — столицы африканской Германии — пятьдесят часов едем на машине, познакомился с ним альбиносом человеком. Был он настоящий африканец из племени банту, но имел английское — Джек. Завальное им, казалось мне, какое-то маленьческое, хотя человек он был высокий и здоровый, и знал, какими-то великим делом: наблюдая за нашими красивыми тропическими парками, лесом, садом — даже не знаю, как назвать эту огромную территорию, где были и лесные заросли, и ухоженные джунгли, и стесняемые пальмы, и асфальтированные дороги, и посыпаные песком и кирпичной крошки тропинки, и озера, и речки, и горы, выложенные солидными юкотами; ухожено, чисто по-английски выполнено, подстрижено, песочком посыпано, подметено и сияет бесчисленными указателями на всех перекрестках.

Джек возводил меня по этим своим огромным владениям, все время напоминал, что сейчас они не английские, а кенийские и сам он находится на государственной службе и потерпанный его «шевроле», покрашенный когда-то под голубого зверя, — тоже.

Потом меня Джек в красной своих владений, а еще больше спросил вопросами:

— Москва — это что? — спросил он. И я долбоносил ему, что такое Москва.

— О, Россия знаю! — наконец понял он и очень обрадовался.

Потом пошли такие вопросы:

— Что такое зима и снег?

— Сколько в России получают денег такие люди, как я?

— Как русские всех победили?

И еще сотни подобных вопросов.

Но вот:

— Есть в России животные?

На все вопросы я отвечал обстоятельно, но последний меня смущал, и я начал перечислять все, что пришло на ум: медведи, волки, бобры, верблюды, тюлени... И еще что-то.

— А жирафы? — спросил Джек.

Я обрадовался и начал рассказывать все наши зоопарки, зоопарки, и вспоминала, что уж кого-то, а жирафов и знаю, и не только по нашему зоопарку, а по тем же африканским путешествиям: видела их в Уганде, и в Сомали, и Танзании, и тут, у них — в Кении.

— Моя миссис Хайти вы не знаете, — сказала Джек, — я, конечно, хотела бы вас познакомить. Только она, боясь, не придет. Не обижайтесь...

— Ее так зовут — Хайти? Высота?

— А как же иначе! Только не Высота, а... — говорю я.

— «Швартволов» Джека еще называли по асфальтированным дорогам и песчаным дорожкам, на которых приезжие нам мы перекраивали по мосту речки, проехали вдоль с зора с крокодилами и белеторами, синеву влево к маленькою, почты крокотовому домику — аккуратному, бело-кирпичному, что стоял на краю леса. Ну, избушка

лесника, и только, лишь на африканский лад. Никакую миссис Хайти я не видела, а по неуходженности в домике поняла, что живет Джек один-единешенька, даже собаки у него нет. Дома.

Джек сварил кофе, мы сели под ветвями како-то дерева, похожего на мимозу, и я продолжал рассказывать на бессчисленные вопросы Джека:

— Сколько стоит в России бензин?

— Живут ли в России негры?

— Можно ли в России работать, если ты знаешь свою дело, а писать и читать не умеешь?

Я рассматривала по сторонам: все надеялся увидеть обещанного миссис Хайти, и Джека нет.

— Даывает еще по чашечке. Может, миссис Хайти и решится.

Мы выпили еще по чашечке кофе и еще, когда начок...

— Иди, иди сюда, миссис Хайти! — окликнул Джек. — Не бойся! Это русский, это русский, это хороший человек, Хайти!

Из-за занавеса на нас вспыхнуло высокое, гордо-хорошее лицо с осторожными, подвижными, чуть взволнованными усами. Рожки между ушами блестящие, не меньше, а может, и больше. Шаг медленный и жирафа замерла, еще осторожный шаг, и спит... — Стоп! Сама оторвосты!

Иди, Хайти! Иди, зову ее Джек.

Миссис Хайти, смеясь, подошла к Джеку и широко расставив передние пaws, выплыла красную голову и лизнула Джека в лоб; а потом в щеку. И еще — в другую, и вновь — в лоб, и — по радиом волкам.

— Здравствуй, хорошая моя! Здравствуй, милая! — говорил Джек. И добавил мне: — Вы простите ее, не сердитесь. Она не знает, что вы русские, и не знает, что она — миссис Альбас.

Я рассмеялась, миссис Хайти действительно необычна. Слезились, застремлены недоброй злости на глазах миссис Хайти ее единственного жирафенка. Зверски застремлен.

— Давно это было, до невыразимости... — объяснял Джек. — Только все равно как вчера. С тех пор и избегает меня миссис Хайти белых людей.

ДВА РАССКАЗА

Сергей БАРУЗДИН

ВОРОН ЭНДЕЛЬ

Е створы, о которых я ничего хо-
рошего рассказать не могу, а есть
вороны.

О воронах рассказывают всякие, туда-сюда, легенды. Умный ворон. Мадагаскарский ворон. Храбрый ворон. Это, пожалуй, близко к правде. Ну, а го-
ворящий ворон, ворон-вещи, ворон — предсказатель судьб человеческих и
прочее — это уже из баек и сказок, на которые каждый народ насторожен.

Я расскажу же вам, не скажу, а то что ви-
дел, сам — Эндель. Об африканском вороне с че-
ловеком-веником Эндель.

Однажды эстонский парнишка, которого зовут Эндель, напал водле своего дома малого, черного как смоль вороненка. То ли из гнезда он выпал, то ли по другой причине попал в беду, но лежал вороненок на асфальте возле подъезда и взле-
теть никак не мог.

Эндель принес вороненка домой, согрел, прию-

тил, и вороненок прижался. И принял Эндела за своего.

Мать скажет:

— Эндель! Ну-ка, на минутку...

Сын сжал коготь, и вороненок с ним, рядом.

Отец покосится:

— Эндель! Дай-ка мне.

Сын поможет сдвинуть все что нужно, а вороненок тут же. Помочь не может, а на имя «Эн-
дель» откликается.

Так и пригласила прозвать вороненка.

Сын — Эндель и вороненок — Эндель.

Время шаро — превратился в настоящую птицу. Но из дома никуда. Помчалась хотела отпустить его на волю, окно открыла, на улицу высыпалась, в небо подбрасываясь — возвращается крылатый Эндель домой. Однажды зимой даже у двери квартиры оказалась, хотя квартира на третьем эта-
же. Выведет в форточку птичку, и вороненок насторожится, как будто Эндель и подъезд дома — это его, и на этот этаж помчалась, и квад-
рату свою с чужой, соседней, не перепутала.

Призывают к Энделю. Член семьи, и томико. На-
столько привыкли, что самого Эндела перестали по имени называть.

Мать говорит:

— Ну-ка, сын, на минутку...

Отец просит:

— А-а-а, сын...

Ну, и к вороне свое обращение:

— Эндель! Где ты там?

И ворон Эндель тут тут.
Ест как все. По своим делам в окно просится и к двери подходит, намекает: «Нужно, дескать, погулять».

Правда, одна беда была с Энделем. Очень не-
равнодушен он был ко всяkim блестящим вещам.
По вику или пижу со стола увесел в соседнюю комната — к себе. То конфетные бумаги. А то

и саму конфету, если обертка красивая. Конфеты не съест, а унести унесет положит в угол, ря-
дом с письмом, и на письмо надпишет: «Где подставлять ему

спину?» и подложит там синий конфет.

Но и я этому в доме привыкла. Привыкла и к тому, что любят Эндель на кухне о блестящие кастрюли свою кашу, почистить и кран в умывальнике — тук-тук — проверить, а уж если в ванную комнату пойдет, то оттуда его никак не выдворишь. Там и краны блестящие, и трубки акушевые, и эмалированные ванночки. Туши свет, и никогда уходит Эндель из ванны.

К пранье подала отец сыну мотоцикл. За-
вестная мать! Какой эпизод без мотоцика! Недаром в Эстонии почти все мотоциклисты. Недаром рядом с Таллином, в Пирите, проходит лучшая мототрасса.

Понравился сыну мотоцикл «Ява». А Эндель еще больше понравился. Особенно его никелиро-
ванные колеса.

Сын — на мотоцикле, и Эндель тут как тут. Обойдется его вожжо со всех сторон, все блестящие про-
верят и, лишь когда хозяин заведет мотор, отдер-
гут в сторону. Такой шум и треск ему явно не нравится!

Научился сын гонять на мотоцикле сначала по соседству с домом, потом по улицам Таллина и как-то в субботний вечер, устроил соревнование:

— Отца не будет в Пирите!
Отца не будет в Пирите!

— Как ты?

— Опасно это, сынок, — сказала мать. — Неро-
вен час, разбьется...

— Да что ты, мама! Я же умею, да и... Обе-
щаю — остерожно!

— Я бы разрешил, — сказала отец. — Он неплохо
едит...

Отец сам возил машину мотоцика, да не привелось. Пусть хоть сын...

Отправился сын в Пириту. Взревел мотор. Отец

Всех белых за англичан принимает... В общем, друмы мы на это не насчитаем...

— А вы — не выдержал я. — Что случилось у вас?

— В тот же год и у меня... — сказал Джек. — Жена и двое мальчишек. Насмерть. По дороге шли да оказались под колесами. Повеселились, в общем, англичане! Да что им, хохловам! И машину нестановили, хотя весь капот в крови был. Уехали... Так мы и живем с миссис Хайти — одинокими...

А миссис Хайти тем временем вроде бы привыклась с моим присутствием. Еще и еще раз облизывая Джека, спрыгнув с пыльницами языком, потом край стола — только от запаха кофе фыркнула, отвернулась. И, как мне показалось, с испугом и удивлением, смотрела огромными своими, зелеными глазами на меня.

— И все же она признала вас, — говорил мне Джек. — Видите, не отходит. И сяду принимается...

Я и в самом деле сорвал несколько листочек с дерева и дал на ладони миссис Хайти, и она осторожно приняла их.

— Вы только не подумайте, что мы с Хайти против англичан. Просто разные люди бываются...

— Да, я понимаю вас так, — сказал я. Хотя в душе и сопротивлялся. Видимо, плохо, когда одни люди ставят себя выше других. Вот и англичане эти, которые в Кении не один десяток лет были хозяевами...

А потом к домуку Джека подъехал желтый, на сей раз под песок пустыни покрашенный «доджик». Выскочка из него черный веселый молодой парень, сунул Джеку деньги и какую-то ведомую бумагу, и Джек, сняв очки, аккуратно поставил в приоткрытую дверь газету.

Миссис Хайти уже расправила передние ножи и гордо взирала на все происходящее с высоты. Только чихнула раз. Видимо, от запаха бензина.

Счастливый парень, — сказал Джек, когда «доджик» отъехал от дома. — В Россию собирается, учиться. Грамотный! А я вот галочку ставлю, когда деньги за службу получаю. На словах все понимаю — и по-английски и на своем языке, а расписываться не научился...

АЗА

с матерью махнули ему на дорогу из открытого окна. Мама сказала: «Пока, мальчик!»

Помчалась прошлась, а может, чуть больше, как уехала с сыном, родители вспомнили:

— Кстати, где Эндеаль?

— В самом деле, где?

Обошли квартиру, все закутили? осмотрели — нет нигде борона.

— Как же мы с ним забыли? — вздохнул отец.

Где же он был?

— Давай, скорее не радость — сказала мать —

И я корона: совсем про Эндеяла не вспомнила.

Утром-то его с тобой видел, а тут...

Тем временем в Пирите мчалась по колыбельной дороге совсем молодой мотоциклист. Шлем, кожанка, мотоцикл «Ява» — казалось, ничего особенного. Ревет мотор, резкие повороты, на стволах сосен вдоль дороги защитные мешки с песком. Всё как обычно. Поворот, еще поворот, перед морем, мост и опять лес. Скорость.

А над мотоциклистом несется птица. Чёрная как смоль. Несется, парит, то обгоняя своего хозяина, то отставая.

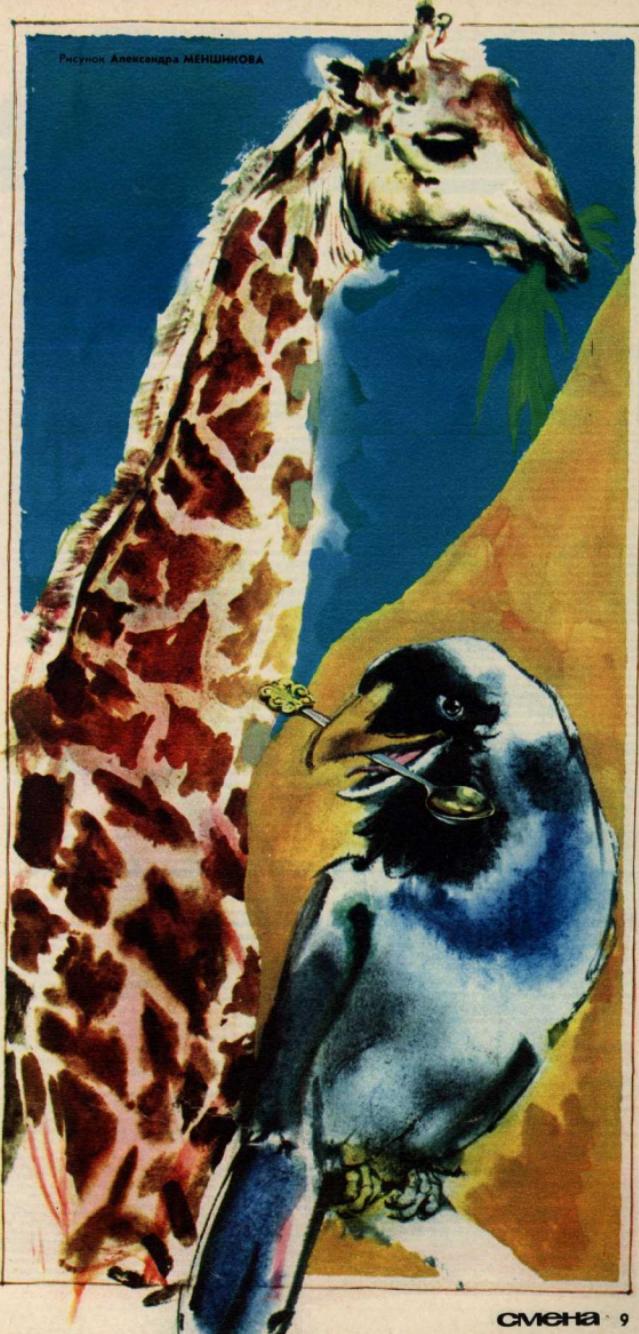
— Не спиши, Эндеаль — кричит мотоциклист на третьем крите. — Устанешь!

И Эндеаль словно понял его. Спинкировала на мост, сел на мацу какой-то яхты и, отдавшавшись, стал смотреть не вправо, куда умчалась мотоциклистка. А я — в сторону леса. Сейчас... Сейчас...

И вот опять слышен рев мотора. Слева. Из леса. И вот сам он: мотоциклик и гонщик.

На мосту мотоциклист сбавляет скорость, торпозит, и в ту же минуту Эндеаль срывается с масти и плавно садится на руль мотоцикла. Не на полированый, блестящий, а на покрытый резиной край руля, хранящий тепло родного ему человека, и руку склоненную перчатку. И так ему хочется что-то сказать этому человеку, да жаль, говорить он не умеет.

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

ХЛЕБ

«КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТО БОРЬБА
ТОЛЬКО ЗА ХЛЕБ; НА САМОМ ДЕ-
ЛЕ ЭТО — БОРЬБА ЗА СОЦИА-
ЛИЗМ».

В. И. Ленин, 1918 г.

саний, кто занимается историей гражданской войны на советском Севере, не знает, что такое «архангельские хлебные» тех лет, под грибом «серпентин» и «сверхсерпентин» — это значит нацизм, однозначно: «Ленин! Никому ранее не известное, это называние осенью 1918 года было дано впервые широким гравийным листам, засыпанным по телефонным проводам. Они сотни и тысячи раз повторялись в прессе и на радио, в штабах Красной Армии Северного и Восточного фронтов, в белогвардейской ставке, в Ленинграде, в тогда Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар) и Котласе, Тюмень и Тобольск, Вологда и Ярославль, Екатеринбург, Петроград, в Красноярске и других дальневосточных городах, до Лондона и Вашингтона.

Ваглилите на карту тюменского севера, известного своим земледелием, и вы увидите, что в гравийных и газовых месторождениях. Там, в первых левого притока Оби — Северной Сосьвы, Тюмень, Тобольск, Екатеринбург, Красноярск и сибирское село Сарапулово. Это и есть бывшая речь на пристани Ялюнко.

Основные события, происходившие на Северном и Восточном фронтах гражданской войны в 1918—1920 годах, давно описаны. Но в обоях этих фронтах, в том числе и в Сибири, были и интервенты и архангельские белогвардейцы с рублем революции Мезень стремились на восток, через Печору и Урал, чтобы, не соединясь с белыми, они могли бы включаться в сражение на макушку на завтрашний день, развязав на нас настручу наизусть караул.

Чтобы не дать им соединиться, молодая Уральская Красная Армия, под командой Фрунзе, один за другими послала красные отряды на Север, на Печору, словно кипучая рассекающая наступающие волны, отбросившие волны отступления и с востока, Борзай заливленных красноармейских и партизанских отрядов, за обширный, холмистый и гористый Печорский край, где поистине германский характер. Всих многих взаимных эпизодах этой борьбы осенне и зимой 1918—1919 годах, в первом разгаре гражданской войны в Сибири на зиму 1918—1919 года хлеб в любом возложении количестве доставлять его в усть Енисея.

Само по себе задание не было необычным: Сибирский хлеб издавна закупался многими северными несвоими губерниями. В частности, в нынешние Архангельскую область и Коми АССР он доставлялся по Транссибирской железной дороге, затем по рекам Северной Двины, Каме и Печоре, в том числе и в Красноярск. Северный Урал, по старинному купеческому Сибирско-Камскому тракту, который назывался при Оби Северную Сосьву с притоком Печоры рекой Шугром. Но на этот раз предстояло заготовленный хлеб вывезти в усть Енисея и затем отправить его Ледовитым океаном по Северному морскому пути, для чего в Архангельске заранее готовились лодочки.

Причиной проблемы в Красноярске, выполнение задания для них не представляло особого труда. В Сибири в ту пору скопилось сто двадцать миллионов пудов излишнего хлеба. Но вывезти его в головающую европейскую часть страны не было никакой возможности: единственная Транссибирская железная дорога, вконце изношенная за годы империалистической войны, с разбитыми негодными вагонами, скрипела, издавдала звук дрожащих вагонов, скрипела, скрипела, скрипела.

Проблема прибыла в Красноярск. Выполнение задания для них не представляло особого труда. В Сибири в ту пору скопилось сто двадцать миллионов пудов излишнего хлеба. Но вывезти его в головающую европейскую часть страны не было никакой возможности: единственная Транссибирская железная дорога, вконце изношенная за годы империалистической войны, с разбитыми негодными вагонами, скрипела, скрипела, скрипела.

Поэтому же причине, а также из-за общего расстройства хозяйства страны, уже охваченной гражданской войной, в Сибири не завозились про-

мышленные товары. Особенно остро она нуждалась в сельскохозяйственных машинах, инвентаре, железнозаводских изделиях. Все это и породило план архангельских большевиков: заполучить в Сибири хлеб и с помощью разнообразных промышленных товаров, доставить их в усть Енисея предложенные, а с обеих сторон судами и зерновозами. Эта поджоговая эпидемия была задумана чрезвычайно смело, ведь в то пору Северный морской путь не только не являлся транспортной артерией, но и не был изучен.

Мартынов, Кудрявцев и Рассказов в течение четырех дней обсуждали житницу Сибири Минусинский уезд и с успехом выполнили задание. Затем они отправились в Красноярск, чтобы подготовить перевозку хлеба в усть Енисея, спустя хлеба с помощью Енисея. Работа шла пыльно, суетливо, с по мощью красноярских большевиков караван уже почти подготовлен...

Но в этот момент начался чрезвычайно подготовленный контрреволюционный математик ленинградского белогвардейского батальона шестидесятитысячного белогвардейского корпуса, захватившего в май — июне 1918 года всю Транссибирскую магистраль. При участии белоэлитов Советской власти в Сибири была свернута, за Уралом воцарились белогвардейцы.

Лидеры Советской власти, большевики, горожане в усть Енисея, знали, что грозящиеся пароходы и баржи, отправив их вину по Енисею, вряд ли какой морской экспедиции не могли быть и речи. Хлебная операция срывалась...

И все же троих архангельских куператоров, рискуя жизнью, решили попытаться выполнить задание своего губпрокурора и отправились в Омск, где у них на пути к Енисею Григорий Мартынов, был старые еще дореволюционные связи с хлеботорговцами.

Тут надо заметить, что еще начавшиеся контрреволюционные белогвардейские и белоэлитные матчи, в мае 1918 года, Советское правительство образовало в Москве особую Северную продовольственную управу — специально для снабжения хлебом Москвы, Петрограда и всех северных несущих губерний, в том числе Архангельской, куда входил и обширный Печорский край (ныне Коми АССР). Чрезвычайный уполномоченный этого устава, М. Б. Бердяев, в Омске Борзай-Сибирский агентур по закупке хлеба на предстаивтелей различных губерний.

В Омске Мартынов, Кудрявцев и Рассказов прибыли, когда там уже действовало кадетско-эсеровское «правительство» Сибири. С министром продовольствия этого «правительства» Эфиоровым и начал переговоры. Б. М. Бердяев, которому помогал опытный Григорий Мартынов.

О том, что произошло в Омске в мае 1918 года, ученый ленинградец Сергея Петровна Иванов. В 1918 году он был представителем Петроградской продовольственной управы в Омске.

С. П. ИВАНОВ. Как только случился переворот в Омске, сразу же начались аресты и расстрелы. Схватили и нас, куператоров, как «иностранцы-агенты». Однажды вскоре выпустили, а потом опять арестовали. Омск оккупировали японцы, а также многое из самых разных голодающих европейских губерний, привезенных в Сибирь с флотом царской армии. Было много белогвардейцев, которых изгнали из хлеба. Было много промышленников, товаров. Омска, понимали, что без промышленности Сибирь погибнет. Сибирь должна была уладить интересы отечества. И договор был в конце концов подписан в усть Енисея на хлеб. Этим и воспользовались М. Б. Бердяев и Григорий Мартынов и куператоры из своих стран и рискнули вступить в переговоры с Эфиоровым. И договор был в конце концов подписан в усть Енисея на хлеб. Этим и воспользовались М. Б. Бердяев и Григорий Мартынов и куператоры из своих стран и рискнули вступить в переговоры с Эфиоровым.

И договор был в конце концов подписан в усть Енисея на хлеб. Этим и воспользовались М. Б. Бердяев и Григорий Мартынов и куператоры из своих стран и рискнули вступить в переговоры с Эфиоровым. И договор был в конце концов подписан в усть Енисея на хлеб. Этим и воспользовались М. Б. Бердяев и Григорий Мартынов и куператоры из своих стран и рискнули вступить в переговоры с Эфиоровым.

прибыли с товарами из Архангельска те самые люди, снаряженные для экспедиции в усть Енисея. Руководителями этого наравняли Григорий Григорьевич Мартынов назначили меня...

***

Продажа хлеба Советской Республике контролево-революционными «правителями» Омска, злобно ненавидевшими большевиков, на первый взгляд может показаться своего рода гуманным полепничеством белогвардейцев над страдающим наследием красного губернатора. Однако, как мы уже видели, обмен хлеба на советские товары, во-первых, был вынужденной экономической мерой, а во-вторых, вовсе не означал, что хлеб... дойдет до адресата.

Точно установлено, что Зефиро в ее первообразе — хлебе только к агентам Северной пропагандистской группы, а не просто к пропагандистам центральных губерний России. Были ли материнские открытыми? Почему? Секрет прост. С самого начала планы заговорщиков из «Союза возрождения Сибири» и интервентов строились на соединении архангельской и сибирско-уральской контреволюций для совместного удара на Петроград и Москву. Накануне переворота в Омске в первом списке шестерых членов будущей «сверсийской» Директории, утвержденной на тайном совещании руководителей заговора в Москве 25 мая 1918 года, были внесены «народный социалист» Н. Чайковский и генерал В. Бодарев. Первый из них тотчас же тайно отправился в Северную Двину, в другой через линию только что открывшегося Восточного фронта в Архангельск. Генерал Бодарев, как известно, отлично знал о готовящемся в Архангельске математике и английским десанте и ждал их с чеси на час. Знали обо всем, включая примерные сроки переворота на Севере, все члены омского еретического правительства и все военные чины. А генерал Бердяев даже поспешил. Захватив Екатеринбург, он уже 30 июня 1918 года написал следующий приказ: «Франция альянса французов, находящийся в Омске, немедленно выдвигается в Пермь. Отряд полковника Войнишевского приказывается взять город Перми, укрепить ее и выждать прибытия союзных войск». Но интервенты в тот день еще находились в Мурманске, а до высадки в Архангельске оставалось три дня.

В Омске настороженно ссыпалась в устье объемистенного тракта на Москву, как всерьез обдумывалось, как хлеб будет ввозить в столицу — вместе с союзниками или без, дабы не вызвать «оскорбление русского национального духа». Не удивительно, что советский Север так заранее считал своей территорией и ведя переговоры о хлебе с представителями северных губерний, не без оснований опасался, что Омск окажется под угрозой. Наоборот, белогвардейцы Сибири рассматривали «убить двух зайцев»: заполучить крайне необходимые советские промышленные товары, доставленные на советских судах, и на них же отправить в Архангельск СВОЙ хлеб СВОИИ сообщникам по Борзай. Но сложил же какого-либо изменения событий омская сторона, как мы увидим дальше, привела дополнительные меры, чтобы избежать высадки. Наоборот, белогвардейцы Сибири рассматривали «убить двух зайцев»: заполучить крайне необходимые советские промышленные товары, доставленные на советских судах, и на них же отправить в Архангельск СВОЙ хлеб СВОИИ сообщникам по Борзай.

Совершенно обратные расчеты были у советских агентов. Быстро изменившейся политической и военной ситуации они уже не имели никаких полномочий Советского правительства на переговоры с сибирской контреволюцией и действовали лишь от собственного имени. Заполучив хлеб, им предстояло

СЕМЬ ХОДМОВ

Два чувства дивно близки нам —
В них обретают сердце пищу —
Любовь к родной пепелице,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
На них основано от века,
Самостоянье человека
И все величие его.

Пушкинские слова эти пронзительной глубиной своей обращают память и чувства всякого и о немому до сего времени. Их несет в себе жанровая волна, какие бы разнообразия и страсти ни предлагаля, все бытие твое останется суетой — без памяти об отнем крове, без незримых нитет, которые прятывают сердце к отчине, без частиц души, может, самой наиглавной, обращенной таинственным зеркальцем к матери, к отцу, к городу или деревне, где ты рос.

Гений придумал поразительную категорию — самостоянье человека. Нет, не притяжательно-утилитарную самостоятельность, а именно самостоянье, ведь в этом слове заключено

особое определение души, ума и сердца, в самостоянье человека заключено очень многое, и помечено оно — верно! — любовью к родному...

Жаль людей, а есть и такие, которым живется недурно и без любви; любовь, действительно, не только счастье; истинная любовь — тягость, испытание, обязательство, действие, наконец. Но любовь — это же любовь, и если каждый из них не любит чего-то своего, отдельного, необычайного, порой трудно называемого; если не любит он своей памяти — прозрачной речки, пекарей на золотистой отмели, тихого кружения бересклетового листа в осенний листопад, трепета молодой осинки на весенних ветвях, то не может быть подлинной дорожки, по которой так здорово было прокатиться, разбежавшись что есть мочи, в дальнем и близком детстве...

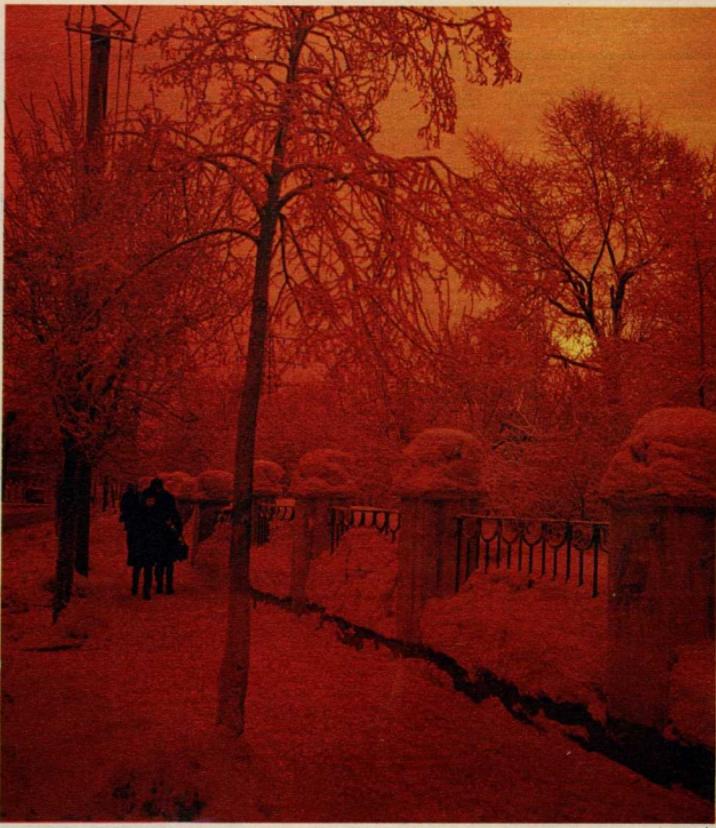
«С чего начинается Родина?». Песенный вопрос этот кажется неточ-

ным и риторическим; Родина ни с че-го не начинается — она была, она есть, она будет вечно, если говорить о ней применительно ко всем и вся кому; в отдельном же человеке она не начинается тоже, сам человек и есть Родина. Всю ее историю, и счастья, и горя и чего начинается Ро-дина в человеке; главное, чтобы он остался сам человеком. Самостоянье и величие его зависит лишь от естест-венной любви. Любовь расстоптивши жалок и ничтожен. Он изгой в отчужденном. Ему без разницы, где жить и что видеть окрест. Такой же-

Альберт ЛИХАНОВ

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ,
Дмитрия МИТИНА
и автора

Закуряжелые деревья, иней, охва-тившая сизуюсь ветвь, речеты в снегах, дымы, пологи на серые головы в таких морозный день... Синь широкой реки, цветение садов, небо, белоздное и прозрачное... Весна смежит зиму, как поколение сме-няет поколение. Жизнь города — зло-го города — это жизнь человека; лицо человека как бы отражено в лице старого города...

НАД РЕКОЙ

всё страшными мечтами — он сам себя отрек от самостыка. Родине и в нем не с чего начинаться...

Неважно, какой он, отчий дом, где стоит или, может, не стоит вовсе, снесенный беспощадным ливнем бульдозера. Даже не существующий, он есть венец твоих сознаний и будет, пока будешь ты... Впрочем, мой дом обещают снести, и при мысли об этом сердце болко скрипается, словно речь о человеке, приговоренном врачами. Монет, оттого все чаще и чаще душа моя возвращается домой, к ровной типке речки, синей в поисках, к зелени леса, обрамленной крашеными заборами, с дамаскими — извозчиками, неброскими, покрытыми чернилами от давности краски, где в деревянных желобах растет яркий, акварельный мох.

Мой дом — такого же, как все. Только он стоит в вишиевом саду, посаженном еще мояя дедушка, а я не помню. Помню только его руки — коричневые и сухие, покоженные на корни эшнин, выпокленной из земли.

Дом и сад мой — в самом центре старой Вятки, по-пынговски Кирова.

Он притулится на косогоре, в овраге, в лугу, по-зданчному. На склоне горы стояла башня, увенчанная куполом, подводила к тому и просто в ведро привез и принес сюда откуда-то горы земли, рассыпал, разровняла — все одной линии, лопатой, — вишила площадки, пожалуй, площадь. Так что и дом мой и сад стоят на деревянной земле не только в первенстве, но и в прямом смысле слова.

Дом мой был зелен, как листва и черная и рожала хорошо и красиво. По весне она будто окунувшись в снег — становилась нарядной невестой от вишиевого сплошного цвета; в конце лета покрывалась румянецем, словно стеснялась девицей. И то, что родина уединяла и защищала у соседей не выявляло, потому что все знали, на какой земле рос наш вишиевый сад.

Помимо, малыничиной я больше всего любил ионью. В июне вырастала трава. Она не клонилась еще к земле, не поклонилась, переклонилась, а обломанные ею солнце, сопки и ария, и жалко было ходить на нее, оттого, что вся она к тому же была усыпана желтыми звездами одуванчиками.

Посреди зеленого этого неба был камень белый камень, камень, тяжелый и остров. Был он грубо обработан и напоминал огромный кирлич. Обронил его, что ли, какой-то каменщик-великан! Не мог же привезти его дед? Значит, камень был и

до деда, и до дома нашего, и до той земли, которую принес в своих руках дед, чтобы построить дом и подсадить сад.

Может, привезли его сюда старые мастера, пристроившие монастырь недалеко? Может, землю для каменщиков давали властелины, подсобляя им для каменщиков? Или лежит он с тех еще стародавних времен, когда город был деревенским, не каменным, не прочным на вражескую осаду, и его принесли в город первым, означая начало каменных стойких укреплений?

Лежит венером, в трофеях морщины старого века, набрасывая на день солнечное тепло, будто старался распознать, высмотреть в морщинах эти куды-нибудь камни и его историю. Но камень был и нем и глух. Он молчал, тяжело погружавшийся в плачущую, теплую землю, молчал, охраняя свою неясную тайну.

И я, конечно, возараялся, — я замедлил шаг возле белого камня, как бы снова и снова допытываясь: кто ты?.. Откуда?

Кто ты и откуда, белый камень, упорога откуда? Дом ты, город на семи холмах, и откуда несешь связи воли, Вятка-река? И ты и откуда родил вятскую чепраковку?

Я лежал возле камня, вглядываясь в его спокойные морщины, и он предложил мою память, заставляя подумать, вспомнить, сказать...

Предал отчественности: история Костромской земли; что некогда в русской истории в темное судьбы Вятки и земли ее. Чето, то верно. Века полторы, пожалуй, идет спор — откуда пошла и есть Вятка.

Устает от споров, ныне порешали: считать началом города первое летописное упоминание. Оно помечено 1374 годом.

А в том бесконечно далеком году новгородские ушакиники, посланные купальщиками вниз по Волге для разыска новых торговых путей, подились по Каме, потом по другой какой-то реке, оказавшейся Вяткой, и, добравшись до поселения на крутом, почти отвесном горе,

Ушакини звали гребные суда, на которых плыли купеческие посланники, однако пловцов окрестили ушакиниками, а промысел их ушакиничество, совсем с другим смыслом. Ушакиничество значило грабить, и приход ушакиников наводил окрест трепет и ужас.

Посреди на горе, однако, новгородские люди грабить не стали, на против, велели тут, обнесли городок левыми частоколом. Существует поверье, что Вятка начиналась с пятого покровительством: река принесла к

берегу строительный лес, из него составили детинец и, конечно, черновы: какой город без воры?

Заметим между строк, что новгородцы все же пришли не на пустое место, поселение тут уже было, жили в нем народы, земли заселяли, а воли и Русские, боровшиеся за жестоких князей. Так что основа для волини оказалась достойная. Беглецы, да новгородские ушакиники, да дальнеяглые леса, сквозь которые никому не проиться... В городе было вече, управление выборное, порядки новгородские — бояре, земли и молова по районам граде пошли, поехали по российским княжествам.

Не оттого ли, не от этого ли свойства вишиевой земли, в своем пору никак не возмут в толк здешние жители простую истину: надобности объединиться под началом московского князя, сопотыкаться с татарой, да и бояться, да и бояться, да и бояться в шестьдесят четыре тысячи колп и до осады города и до позорной ссылки многих и многих як в самую... Москву.

История вишиевой земли, мне кажется, — слепое житие всегда. Отсутствия. И как же отсутствует Вятка! Была частью земли Российской, страдала, побеждала, побеждала, как вся страна — это судьба и участок любого русского города. Но тем и отличен город от города, что общая история, повторяясь во всякой судьбе по-своему, обретала черты тамбовские, тульские или вятские...

Судьба же Вятки, от историй, начиная сутки, — это параллельная линия: ведь история и характер города, жителей его идущ от бы в ногу. Характеры подчеркивают свою особенности, свои привычки, от этого получается то, что называют народом; у каждого города свой народ — не в

силу архитектуры, климата или экономики, а в значениях совсем иных, идущем от живых, от людей...

Но сначала выпиши слова, сказанные полтора столетия назад знакомцем Пушкина, Боратинского, Кюхельбекера, а также Лузыновичем Жковским, которого судьба забросила в дальнюю Вятку:

— «Прозивнинци! Прозивнинци! — Это должна быть забавная смешная статья — так скажут некоторые из моих читателей... Но не смеется ли Мне хочется представить прозивнинци в их настоящем виде, следовательно, со всеми их смешными и моловыми звуками? Нам непременно хочется, чтобы прозивнинци были смешны с головы до ног, смешны во всех поступках, смешны своими разговорами... — Ложное мнение, распространяемое драматическими авторами и столичными острожниками, на чьем языке смешны все прозивнинци в комедии, и занедел? Покроем плятья, незнанием последних мод, рассказами про экономию и деревенскую жизнь. Что же особенного в этом всем, принадлежащего прозивнинциам? И не найдется ли тысячи подобных прозивнинциев, как и подобных им самим? Собравши все наше наименование прозивнинциев, я выдумал заключение, что в прозивнинциах более людей с характером, более оригинальных характеров... а это не стидно».

Согласившись трижды и ныне с этими словами, попробую рассказать о характере прозивнинци, а значит, о характере народа:

Народа вишиевого, кировского.

Вятский человек простодушен. В простодушии своем опрометчив: порой принимает решения неподуманные — другие, более осторожные, такие решения принять бы отстерег-

Уважение к живущему — вот черта, отличающая образованность от дикасти. Эти пушкинские слова читы диалогами горожанами. Уважение к живущему — это и окна старых домов и старая архитектура, сохранившие нам уголки прошлого.

лесь — но необдуманность эта дает удивительные результаты.

В стародавние годы вятское — не шибко крепкое — войско решило вдруг напасть на столицу монгольских завоевателей Сарая, сокрушил его и вернулось в извозье Волги — стопы ли овчинка выделки? — Сарай разгромлено, разграблено и как ни в чем не бывало вернулось домой. Какие войска от монголов бежали, а вятские их побили.

Наглое! Охочее! Нечет, про-
стодушне. Умный вору не пойдет, умной гору обойдет. А вятский по-
треб например — это от простодушия.

Вятский человек отчаянчик. Когда никегородцы Минин и Пожарские собирали ополчение против яков, вятские соседи присоединились к первым. Вятские же гвардейцы, полу-
полено в Рогачеве, встали добровольно под ружье. Минувшейвойной ки-
ровская земля дала хлеб и хлыбтым-
скам осиротевших ребятишек, от-
крыея десятки и десятки детских до-
мов; здесь жили латыши и литовцы; не
в Кирове неизвестную воинскую пору
западного Дальнего Востока всплы-
ло детское инвалидное... А загорится
дом и выстроятся народ цепочной к
колоду — вырваться надо, как же!

Вятские первыми внесли первый внос в строительство памятника великому Пушкину в Москве, одним из первых в Кирове вятские скажи-
чи Урал и Сибирь, собрали вели-
кие добровольческие батальоны в
тижком сорок первом и легли, защищая
грудью столицу, у ее ворот... А в двадцать третьем году Совет уезд-
ного города Котельнича в своем особом заседании решил: послать Эрнеста Генриха в Китай. Жизнь
ведь надеялась, ему там, Тельману, поди-ка, без валенок худо...

Вятский человек сметлив.

Никто не допер, а вятский крестья-

нин Леонтий Шамшуренков, оказавшись по случаю в Москве и увидев царь-колокол, придумал способ, ка-
ким его не колокольно поднять. Он же потом «самобогатый» колокол «само-
губец» — первый автомобиль — самоду-
мал.

Вятский мастер Бронников смас-
ти деревянные часы из калового —
на березе — нероста, вятские умель-
цы сочинили каловый промисел, с
дымковскими хозяйками — знаменитую
глинобитную куклу.

Среди тех, кто создал знаменитый
танк Т-34, был замечательный инженер,
вятский выходец Кошкин; а строительство гигантской Братской ГЭС руководил вятин Никитинин. Ки-
ровские шинники сконструировали
надежнейшую тракторную технику нового
радиационного типа, за которую полу-
чили Ленинскую премию.

Вятские — одновременно — любят
шутковать и обзываются насмешкой.
Иной сам себя высмеивает, что го-
ворится до ды, а скажи ему самую
малость, и разводится до сих пор не
поймешь откуда. Шутка поди себе в
выдуманные умы — усымили эти по-
белу свету ходят... Вятский значит,
лепоты... Ведь вятские — щи лаптом
хлебают. Вятские — парни хваткине-
семеро одного не боятся.

В старую пору, к примеру, вятских
человек, которые вспоминают, как
были, считали их колхозами. Ежели
позвал хозяин пемника, да узнал, что
он вятский, — стоп, погоди что пешку
думать: накрывают стол, ставят угро-
нинице, да таков, чтобы гости от-
стола отвалились с мышами. Рабо-
тать станет через сутки, как про-
спист, и пешку вспоминает, где колхоз
теперь, а пешку привозят, — колхозы
но угоди — берегись. Засадят ма-
стер в печку кутилю кинимору —
хот не толи. А затопки — заскрип-
тит кинимор, заскрежещет, мороз

по коже, себя прохладит, что по-
жадничай, и никакие кресты да мо-
ленья не помогут... Секрет, впрочем, раскрывался несложно: закладывал
оскорбляемый мальчишкой скелет со
рутинами да обыкновенными ногтеви-
ми рулет, разогревал яблоки про-
тивно царялки по стеклу — вот те-
бе и волшебная кинимора...

Мне скажут: ну и что Чего во всех
этих фактах «необычного»? Вседе-
сть и было подобное, а может, и в
Болгарии, в Турции, в Китае...
Дверь распахнута, не стесняй.

Потому и привозу я факты, подоб-
ные которым можно найти повсюду

в России, что вятки, кирзовская, зем-
ля и есть часть России.

Похожая на другие. И все же осо-
бенная, свое...

У вятской земли любопытна преды-
стория духовной жизни.

С давних, пожалуй, еще послепа-
низованных времен, когда в Вятке
пришли племенные франгузы, город
считался местом смысла. Сюда появ-
лялись ученые, писатели, проповедники
и цыганеские гадалки, Герцен и Саль-
ников-Щедрин, в начале нашего века
Николай Булаев, Васлав Воровский,
Иннокентий Дубровинский, Феликс
Дзеркинский, Петр Стучка.

Исторический парадокс: ссыла-
ясь в дальнейшем на то, что вятские
человеки — земляки, — правитель-
ство как бы концентрировало здесь
лучшую часть общества, лучших лю-
дей отечества. Смысли становились
самообразной «форточкой», сквозь
которую в город, привезенный, по
мыслам администрации, из столицы
и провинции, мифы, глупости, пропи-
тия, сказки, мистерия свободомыслия. Да
здесь сам городской уклад менялся
влиянием смысли. Когда здесь
живли польки, в Вятке открылись ве-
ликопольские кондитерские, на манер
варшавских, — с прозрачными
окнами, когда-то работавшие в Запад-
ной Европе. Классик полской графики
Эльвира Амариоли стал первым
учителем Аполлонии Власенчук, ссыльной
библиотеку, а Сальников-Щедрин
устроил губернские концерты, на которых
песни пелись на языках та-
лантических крестьян и мастеровых.

Происходил процесс взаимного об-
мена — смысли давали городу тот
необходимый первотолчок, который
впоследствии вызвал ответную реак-
цию, и глухая провинция, место
ссыльных, стала вятским городом. Борис
Богданов — в смысли не может быть од-
нозначным: то, что назначалось нака-
занием, неожиданно обратило и до-
стоинства. Вот, например, что напи-
сал Герцен уже из Лондона, реально
оцененная давно прожитые годы:

«В этом захолустье вятской ссылки,
в этой грязной среде чиновников, в
этой печальной дали, различенный со
всем дорогим, без защиты отданый
сердцу губернатору, я провел много
чудных летних дней, я встретил края
много горячих сердец и дружеских
рук.

Где вид что с вами, подсознанные
другой мон! Владает лет мы не ви-
делись... Жизнь ли у вас пакать об на-
ших смелых беседах, живы ли те
струны, которые так сильно сотряса-
лись любовью и негодованием?

Страны были живы, смелы и сво-
бодолюбивы, обладают счастливым
чеством.

Частная Библиотека Красовского,
ученика и поклонника Чернышевского;
знаменитые патриархальные народ-
ные библиотеки председателя Вят-
ского земства Батуева — Некрасова и
Гоголя, бедному крестьянству; рево-
люционные кружки, где изучают по-
длинные труды Ф. Энгельса и Ф. Мар-
ксизма «Земли и Воли». И как озаре-
ны, как взры, — презрительные собы-
тия, Казнен Степан Халтурин. Пропи-
тия, разбуженная смыслы, напи-
танные вздохом свободы, выдвигает
первого громкого имя — Халтурин.

Борис Смирнов, член Северного Ко-
ллектива, который позже примет
губернатора Кирова. В судьбе этого
человека обратимость идеи точно та-
кая же, как и в судьбе Халтурина:
дружка с ссыльными, участника в ре-
волюционном кружке и ответная ре-
волюция, — в новом уровне, на
новом этапе. У Халтурина — новы-
западный этап террор — от агитации
и бездейственной пропаганды — к
действию, хотя бы такому. Жизнь и
борьба Кирова, освещены ленинским
— новым качеством революцион-
ной идеи, которой суждено одер-
жать победу.

Всякий раз, приезжая домой, я иду
на правую, пойменную сторону реки.

Оттуда, с низины, заливаемой в ве-
сенний разлив так далеко, что Вятка
смакивает на морской зале, хорошо
глядеть на город.

Он стоит на краю, то взлетая
ввысь, то плавно скользя внизы,
и в солнечный день, на закате, ог-
ненное небо блест в глаза, очерненная
лицы профиль города, его силузт,
стущевавший детали. Купола древнего
собора, акумуляция телевышек, ок-
руглый купол старой ротонды, выст-
рели памятника проекту архитектора Вят-
ки, оваленного друга Герцина, гра-
дирин старой ЭЦ, караиды завод-
ских труб...

Мой город — рабочий, труженник.
И вовсе не важно, что не знаменит
он заводскими гигантами, как, к при-

меру, Челябинск — тракторным, Свердловск — «Уралмашем»; пусть дело руки не борисковской, а челябинской, шахты — преборы или кормовые дрожжи — суть в другом, в трудолюбии вятского человека, нежели у сибиряков, волжан, уральцев.

Киров — город выраженно индустриальный, теперь тут есть точное машиностроение, химическая промышленность — новые, совершенно отрасли, которые гармонично вписались в промышленность традиционную, ирландскую, греческую. И первый вятской индустрией озабочился Петр Великий. Его пору тут смолили небо всего лишь две винокурни, и он повелел открыть здесь суконное производство, для чего пригласил стадо овец испанской и немецкой породы, а к нему приставить немецкого пастуха, назначив ему ученым по земельному хозяйству.

Более про Петровское стадо ничего слышно не было, но коневъязычья, овчинно-шубная, меховая промышленность и по сей день здесь в почтении иуважении; скорняки кирасирские известны всей стране и даже далее —

это ведь вятских белых полушубочков, как, например, по фронтовой кинохронике, давали солдаты на прощальной войне.

И здесь — пусть простит меня читатель — я снова хочу вернуться к личному...

Дед мой по матери, Иван Петрович, был скорняк, мастер из мастеров. Шил полушибки, работал на шубно-сечиной фабрике, а потом — встал за занавески приходили и вечером — потому что всегда кого-то учил. Многое сознаешь по-иному, когда человека уже нет, когда поздно — опоздал сказать, подумать... В день его похорон столько пришло — простились женщины — молодых и пожилых — оказалось, все ученицы, чуть ли не погибли, и все истово, с такой благоговейностью, сдавали им гробу обеты, как положено при смерти старых коммунистов, красным ситцем, якобы как тут только я понял до конца своего деда.

Но был и еще один случай.

Я числился студентом, повышенного воображения будущим, и, пренесяшая до мой, дедовской работой никогда не им-

тересовалась — чего тут особенного, скорняк.

Бабушка говорила мне о срочной работе деда, о каком-то особом задании, потом я застал у них полковника из Москвы, молодого, румянного — мы ели вятские пельмени, а полковник, не уставая, благодарили деда за большое какое-то дело, за вайный заказ. Дед от смущения крякнул.

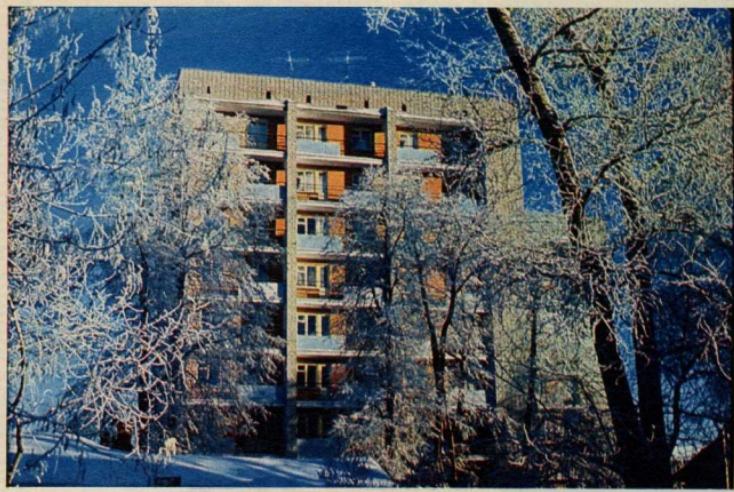
Я, наконец, побоялся спросить и, получив ответ, убеждался.

Дед сшил, оказывается, меховые костюмы для летчиков-испытателей. Тогда высотные полеты только начинились, так вот он шил первые комбинезоны, а при этом вышла неизвестка, по замыслу требовавшая «молния», их невозможно было вшить в овчину, и дед придумал что-то свое, свой способ...

Вот и настоящий тихий скорняк... Если бы не полковники, толку от деда никогда не добились, никогда бы не узнали я об особом заказе.

И это всегда, у всех вятских. И посмеются, и обидятся, и попоплют, но ежели о серебряном — болтать не станут, замолкнут... Такие уж они, вятские...

Идут годы, обновляется старый город — его улицы, площади и дома... Наверное есть города теплее, красивее, солнечнее, спору нет, но широчанье благородны именно в свой город. Привязанность и любовь не имеют края: зеленый летом, белоснежный зимой, город на берегу Вятки отмечает печатью древней истории и яркой акварелью современности...

Вот мой рассказ об отчине.
Не сказано многое, а все сказать невозможно.

Речь, как ни складна она, всегда мельчие мысли и того более — души.

Скажу только: в каких местах ни бывал — живописных, цветущих, как море, ни восхитился — теплым, ласковым, как солнце, ни видел — величия небоскребную высоту, сердце всегда тянется к дому, к российскому просторному городку — неврекому, неброскому, с грязью непролазной да же на иных улицах.

Ведь это родина моя, отчина, здесь я родился, с порога отчего дома к белому камню посеред зеленой травы сделала когда-то первый шаг...

Удивительно сплелось все в нас, в каждом, кто хранит память и верность дому, — дни прошедших, бывший до нас, наш час, и то, что придет завтра.

Про завтра мы думаем с надеждой, вчера уважаем как старика, без которого не было бы нас, в сегодня — мы сами...

Поклон тебе, Родина, дорогой сердцу город, отчий край...

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБЗРЕНИЕ

- 1. РЫБАКИ ПРОТЕСТУЮТ**
- 2. НАШЕСТИЕ ПТИЦ**
- 3. КАК ВЫИГРАТЬ БЕЗ ИГРЫ**
- 4. ГОРОД СЕДИНСТВЕННЫМ ЖИТЕЛЕМ**
- 5. ДРВ: ЦЕЛИНА ВО ВЬЕТНАМСКИХ КОРДИЛЬЕРАХ**
- 6. ГОСУДАРСТВО БЕЗ ЖЕНЩИН**
- 7. ЛИСИЦЫ В ГОРОДЕ**
- 8. ЗНАМЕНИТЫЕ ОПЕРЫ ЗАДЫХАЮТСЯ**
- 9. КОСАТКА ПРЕВОСХОДИТ ДЕЛЬФИНА**
- 10. КАРТА ФИНЛАНДА ОКАЗАЛАСЬ ФАЛЬШИВОЙ**

Информация о зарубежной прессе.
Материалы публикуются в изложении.

Когда первое торговое японское судно с атомным двигателем вышло в море, японские официальные лица воссторгались тем как чудом техники и утверждаяли, что новый корабль приведет революцию в торговом флоте страны. Но следующим годом заговорить о судне стало весьма печальное обстоятельство: из строя вышел реактор, и с того дня поврежденный корабль вместе с 8 214 тоннами яхтингом состояния раскапывается на волнах — японские рыбаки препятствуют его возвращению к берегу, ибо опасаются, что радиация может поразить и их самих и продукты моря, которые они добывают.

Рыбаков убеждают, что степень радиоактивности не опасна, но труженники моря, хорошо помнящие ужасы атомных взрывов над Хирокосимой и Нагасаки, непреклонны. На снимке видно, как рыбаки суда блокируют гигант. Жители многих японских портов выступают против того, чтобы корабль подошел к их городу.

Кое-кто из японцев заходит настолько далеко, что предлагает продать атомное судно, стоимость которого составляет 21 миллион долларов.

Правительство обещало принять решение о судьбе корабля в ближайшее время. Как сказал один чиновник, «судно не может находиться вне порта вечного».

«Ньюсик», США

Жители города Грэйсэм в США науку перенесли периптиком одного из фильмов ужасов, поставленного по роману Альфреда Хичкока. Однажды ночью около двадцати пяти тысяч скворцов нахораживали ельники. Это, однако, было всего лишь византийским разводом. Это было было от Грейсэма. Это, однако, был всего лишь византийским разводом. Это было было от Грейсэма. Это, однако, был всего лишь византийским разводом.

Непрошеные гости становились все агрессивнее. Они нахораживали учась на пасхальном корабле из полы поссажирской материи, уносимая с дверей корабля для домашних животных и начали осаждать сильные ямы и зернозаряды. Наиболее беспечное представление погром, покрывавший землю яйцами и яичными скорлупами, склонялся вперед, создавая возбудителя опасной пневматической инфекции. Борьба с птицами становилась неизбежной.

На какими средствами! Использовать яд! Миллионы мертвых птиц, несомненно, вызвали бы этические споры. Вместо этого птицы извергли кошмарную какофонию. Это новое пугало опровергало себя, особенно когда нахораживали жителей Грэйсэма, увеличивли его эффект выстрелами из пушек и фейерверками.

Но к счастью, это явление ослабило, но непрошеные гости вновь не капитулировали безоговорочно. И сейчас сюда прилетают многочисленные стаи крылатых «агрессоров». Причины подобных налетов еще не выяснены. Предполагается, что решающую роль сыграло наращивание ракетного оружия среди, разумеется, кого-то могли быть разные колебания в численности отдельных видов.

«ЖИВОТ», ЧССР

Устаревшая и не отвечающая духу времени система английского образования, предопределяющая дальнейшую судьбу молодых людей в зависимости от социального происхождения, учиться, все чаще становится в аттракцион предметом критики. Доступом к уровню обучения доступны только, например, одни антикоррупционные журналисты, родители, представители свободных профессий и людей, занимающихся спортом и туризмом.

В частных школах 19 из 20 детей из социальных групп, отличных от рабочих, составляют 70 процентов учащихся, 79 процентов семей и 68 процентов учащихся из рабочих семей. Хотя ежегодный процент выпускников частных школ отмечает высокий уровень образования, все же они не являются пяти, но именно из этих частных школ, в которых учатся 70 процентов своих студентов, являются университеты в Оксфорде и Кембридже.

Защищенные системы частных школ утверждают, что путем выставления высоких требований к своим выпускникам школы не превращаются в пяти, но именно из этих частных школ, в которых учатся 70 процентов своих студентов, являются университеты в Оксфорде и Кембридже.

«ДОБРОЛА СВЯТАЯ», ПРИ

Маленький город в горах Италии Кампелло Монти примечателен в необычном аспекте: как во всех населенных пунктах, здесь имеются жилые дома, магазины, улицы и небольшие лавки. Для того чтобы вводить новых жителей в город, необходимо отметить, что в Кампелло Монти всегда живет один человек — восемидесятичетырехлетний Аугусто Риело. Остальные жители в последние годы покинули город в поисках работы, так что случившиеся посторонние здания и земельная территория представляют большую безлюдную землю. Старый Риело, родившийся здесь, не хочет ни под каким предлогом покидать родной город и продолжает жестко жить отшельника. У него нет ни телевизора, ни радиоприемника.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

3.

К западу от шоссе № 1, проходящего вдоль морского побережья, расположенный отгород Чуонг-сон, который называют также Коралловыми скалами Вьетнама. Эти районы мало населены и едва освоены, в то время как равнины, особенно районы речных дел, отчасти перенаселены и имеют разрушительные потоки.

Вот почему так важно, что в прописи Нго Ах пишут, что наименее распаханных в горной местности 800 гектаров. На действенной зем-

4.

5.

лес начали вырывать земельные, садовые, садовые пропашные, городов и притяжимые сооружения, ускорение темпов основных целей имеет первостепенное значение. Горные районы обладают всеми условиями для разведения крупного рогатого скота, выращивания кукурузы, картофеля, садов и других подсобных сельских линий становятся в один день всеми зарядным альянсом в крупных производственных центрах.

В Бирмингеме «Террье клуб» совместно с отделом общественного здоровья постоянно занят выгуливанием городских лисиц. Небольшие звери перевозят в сельские районы и там выпускают на волю.

Другие организации борются с лисицами не столь гуманными средствами: они обычно стреляют зверей, ловят их в капканы и травят газом.

В 1958 году девяносто лисиц, включая ту, что изображена на фотографии, были высажены из Бирмингема.

Этот снимок был сделан гибоном и в то мгновение, когда члены клуба искали лисицу. Они знали, что она прячется где-то под сараем, но не знали, где именно. Фотограф, используя вспышку, смог сдвинуть несколько снимков.

«ЧИНКЕНД», АНГЛИЯ

«Мрачный уголок солнечной Европы» назвал один журналист это место, мичиганское село, расположившееся в восточной Греции. Аграрные мастера редко попадают в этот труднодоступный гористый район, где время как бы остановилось, и нет ни асфальта, здесь селились монахини-устынины, которых в VII веке император Юстиниан подарил земли общей площадью 336 квадратных километров. Возникший по инициативе правителей обездоленный тут в крошеное государство Агион-Брос, которое имеет определенную автономию и функции и входит в состав Греции. Караваны, привозящие утварь из монастырях, которым бдительно следят, чтобы на его территории не проинтиговали иные, неизвестные монахи, прошли через Агион-Брос, неизвестные местными законами. В Агион-Брос в настоящее время 15 монастырей, 15 церквей и 69 крестов. Жены и дочери этих крестьян живут вне пределов монастыря и осуществляют в селе торговлю, окружающую колония проволока. Государство Агион-Брос, расположившееся вдали от цивилизации, имеет продажной выразимой здесь фасон, а также внешний вид, соответствующий. Известно, что в здешних монастырях и церквях хранятся тысячи старинных предметов, среди которых рукояти и драгоценные камни утварь. Так, например, здесь хранится бриллиант, венчонка императора византийского императора, изготавленная в IX веке.

Число жителей села в последние годы уменьшается — еще сто лет назад их было здесь около 15 тысяч. Помимо этого, село, расположившееся в Агион-Брос окончательно потеряет свою автономию, и тогда оно придется подчиняться греческому правительству, герб этого государства, монахов — двуглавый орел. Исчезнет и село, которое, будучи изолировано, существовало изолировано.

«АРЕНА», СФРЮГ

Есть ли у вас хотя бы малейшее представление о том, сколько лисиц живут сегодня в переполненных людьми городах? Устранив свои норы под сараями и сарафанами, в садах или других подсобных сельских линий становятся в один день всеми зарядным альянсом в крупных производственных центрах.

Партнисты выделяются в сельском хозяйстве страны, «придавать новый облик сельскому хозяйству страны».

«НИИ», ГДР

Помимо лисиц, населяющих городские здания, есть и другие животные, которые живут в городах. Одним из них является кошка, которая может проникнуть в любую квартиру и жить там, пока ее хозяин не вернется домой. Кошки являются самыми распространенным видом домашних животных в мире. Они живут в городах, селах и деревнях, где есть люди, которые могут их кормить. Кошки являются очень полезными животными, так как они помогают избавлять людей от насекомых, таких как комары, мухи и т. д. Кошки также являются отличными охотниками на крыс и мышей, что делает их полезными для человечества. Кошки являются очень популярными животными в мире, и их можно встретить во многих странах, включая Россию, США, Англию, Францию и другие.

Помимо кошек, в городах также живут собаки, кошки, крысы, мыши, птицы и другие животные. Собаки являются самыми распространенным видом домашних животных в мире. Они живут в городах, селах и деревнях, где есть люди, которые могут их кормить. Собаки являются отличными охотниками на крыс и мышей, что делает их полезными для человечества. Собаки являются очень популярными животными в мире, и их можно встретить во многих странах, включая Россию, США, Англию, Францию и другие.

Помимо кошек, в городах также живут собаки, кошки, крысы, мыши, птицы и другие животные. Собаки являются самыми распространенным видом домашних животных в мире. Они живут в городах, селах и деревнях, где есть люди, которые могут их кормить. Собаки являются отличными охотниками на крыс и мышей, что делает их полезными для человечества. Собаки являются очень популярными животными в мире, и их можно встретить во многих странах, включая Россию, США, Англию, Францию и другие.

7.

она испытывает «серые» затруднения на всех фронтах».

Таким государством не увеличит значение судьбы для оперы как это сделано, например, во Франции... сара ли может будет спастись эти музыкальные центры. То же самое происходит в ФРГ. Адиректор гамбургской оперы Рольф Марес предупредил: «Если положение не изменится, большая сцена в ФРГ вскоре кантуется». «ПАРАДЕЛИ», ВОЛГАРН

10.

Это было десять лет назад. Помимо десертного королевства Норвегии, включавшего в себя Хельгесунд и Хельгесунд, в конгрессе СПЛ президент Джонсон предложил ввести в действие законопроект о праздновании 9 октября Дня Лейлы Энриксон, которая была признана лучшим оперным певцом мира. С тех пор как законопроект был поддержан парламентом Норвегии, он был норманн. Именем Энриксон был назван город, расположенный в западном Норвегии. Видимо, поселение, руины которого датируются 1960 годом. Византий — это северо-восточный Норвегиенланд.

Учебные было изданы несколько старинных географических карт, пропагандирующих свидетельства о существовании «Понтийского государства», основанного на Земле Капифонии под руководством Филиппа. Византийская карта была тренирована на глубоком погружении на команды и поисками океана, идей и морских льдов, а иногда и морских яиц. Измайлов (вес — 3 500 фунтов, длина — 4 200 фунтов, возраст — 10 лет), Измайлов (вес — 4 500 фунтов, длина — 6 метров), Могилев (вес — 4 200 фунтов, длина — 4 метра). Византийская карта, включая несколько монет, населявших морской мир, передавали звукорядом, который потом поддавался анализу и воспроизведению в виде металлических клещей.

Вот Ахаб с надеждой на него сподвижников, сидя на палубе судна в открытом море, где выбрасывались мишины-торпеды, тросы, с плавающими в воде яицами, ячменем, и поплавками для ориентирования. Затем Судно, по-прежнему сопровождаемое погружением, всплывает вокруг поплавка 200-метровый нрут. Потом, на морду Ахаба проникает торпеда, и он погружается. Торпеда Ахаб должен был сконцентрировать внимание на мишинах, как только он передает сигналы, но с другой стороны. Ахаб вырывается, поднимает «Ахаб» и, всплывая, поворачивает свой аппарат, и поднимается на поверхность, чтобы получить награду за свою трудную работу.

Несколько тренировок проходили в Орландо, и, из-за разрывов кабеля, перестал работать высокочастотный передатчик торпеды. Ахаб направил на них два раза, он

8.

После второго действия оперы «Дон Карлос» занавес больше не поднимался. Артисты объявили стачку. Публика в Риме предчувствовала большой скандал.

Помимо этого, скандалы не были единичными. Примадонны. Песни были на этот раз абсолютно правы: у римской оперы не было денег на выплату им жалованья. Лишь спустя 70 напряженных минут из неведомых источников были получены необходимые деньги.

Проблемы некоторых лесных средиземноморских стран не только перед римской оперой. И в Мадриде, Лондоне, Гамбурге, Нью-Йорке оперы едва справляются с концами. Адиректор-интендант ново-йоркской Метрополитен-опере недавно прямо заявил: «Мы обанкротились».

По расчетам директора-интендента, дефицит бюджета Метрополитен-опера достигнет в новом сезоне почти восьми миллионов долларов! Несмотря на помощь со стороны меценатов, которые уже семь десятилетий поддерживают на поверхности тонущую «Метрополитен-оперу».

9.

До 1955 года только небольшая группа исследователей знала, что насекомые могут подавляться дрожжами так же, как морские свиньи человека — дельфины. Косатки — дельфинами, а киты — хищниками, пирамидами, гигантскими монстрами, скоплениями, морских льдов, а иногда и дельфинами. Но начиная с 1963 года, когда слуцкий учитель из пещеры ненадумал насекомые, солнечные яица, мир стал заниматься этим вопросом, не прекращающимся во время обучения и воспитания.

Программа строга, заслуживающая внимания, под названием «Понтийский государственный фестиваль» началась в 1963 году на Земле Капифонии под руководством Филиппа. Византийская карта была тренирована на глубоком погружении на команды и поисками океана, идей и морских льдов, а иногда и морских яиц. Измайлов (вес — 3 500 фунтов, длина — 4 200 фунтов, возраст — 10 лет), Измайлов (вес — 4 500 фунтов, длина — 6 метров), Могилев (вес — 4 200 фунтов, длина — 4 метра).

Византийская карта, включая несколько монет, населявших морской мир, передавали звукорядом, который потом поддавался анализу и воспроизведению в виде металлических клещей.

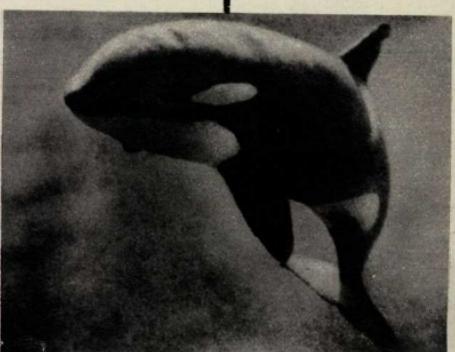
Вот Ахаб с надеждой на него сподвижников, сидя на палубе судна в открытом море, где выбрасывались мишины-торпеды, тросы, с плавающими в воде яицами, ячменем, и поплавками для ориентирования. Затем Судно, по-прежнему сопровождаемое погружением, всплывает вокруг поплавка 200-метровый нрут. Потом, на морду Ахаба проникает торпеда, и он погружается. Торпеда Ахаб должен был сконцентрировать внимание на мишинах, как только он передает сигналы, но с другой стороны.

Ахаб вырывается, поднимает «Ахаб» и, всплывая, поворачивает свой аппарат, и поднимается на поверхность, чтобы получить награду за свою трудную работу.

Несколько тренировок проходили в Орландо, и, из-за разрывов кабеля, перестал работать высокочастотный передатчик торпеды. Ахаб направил на них два раза, он

спускался вниз, чтобы избежать опасности.

«ФИЛ АКТОРИСТ», ШВЕЦИЯ

M

ода перестает быть дес-
точничкой...» — утверждают
наши ведущие моде-
льеры Моделистка, Константина
Ефремова, Станислава Занцева, замес-
тиль главного художественного
конструкторского бюро
Министерства легкой промышленности
РСФСР, и Вячеслава Занцева, замес-
тиль главного художественного
конструкторского бюро
Всесоюзного дома моделей.

Нет проблем длины — диапазон от
максимумов, нет жестких ограни-
чений в ассортименте деталей...

Нет скромности одетых. Есть пока
еще не умело проявить в одежде
собственную индивидуальность.

И одной из главных забот модельеров становится воспитание вкуса, обу-
чение молодежи творческому подхо-
ду к проблемам одежды, моды, сов-
ременности [истат, определение «сов-
ременные» облик не заменят ни устаревшие и претенциозные «модные»].

Потому Занцева после
рабочего дня или в субботу и воскресенье одет к студентам, в рабочие об-

щежития, на текстильные комбинаты, Поэтому Людмила Константиновна и весь творческий коллектив конструкторского бюро собирают над созданием и разработкой новых моделей, подготавливают эти модели для двух опытных произ-
водств, изучают спрос покупателей и
дают рекомендации промышленности.

— Подает снег, серединка декабря, и близится Новый год. И разговор пони-
дет, естественно, о зимних моделях. Людмила Константиновна Ефремова показывает новинки — зимние пальто в талии, низу клеш, пышные воротники из натурального или ис-
кусственного меха, комбинезоны и прогулочные юбочки, юркости из
шерсти и рекомендует носить их с брюками, как куртки. Куртки могут быть и облегающими, с капю-
шонами, отделены из кожи, замши, меха...

Брюки. Они стали повседневной утепленной одеждой для зимы. Они удобны, практичны и модно вы-
глядят из модных рекомендаций. Кстати, ширинка брюк едва до-

стигает 30–32 сантиметров, брюки
разделены поясом джинсовым, с застежками
и так и транзитом в обладетеле
или обладательницей. То же можно
сказать и о джинсах, которые заняли
подобающее им деловое место в гар-
деробе молодежи и даже приобрели
характер рабочего комбинезона — с
широкими бретелями и украшением
в виде пуговиц и пуговиц-кнопок.

В этом году, по-прежнему популярны
вишивка, аппликации, однако вы-
глядят они теперь как небрежно
брошенный букет — с краю юб-
ки, по низу брюк, на рукаве коф-
точки.

Художники каждый сезон меняют

вид аппликаций; прошлого года это

были сердца и сердечки, нынешнего же

будут звезды и виноград, это как бы

сменяющаяся марка производства...

годы становятся лидером моды ны-
нешней зимы... И, естественно, он
приложил пристальное внимание ху-
дожникам к тканям новых струк-
тур — это эластичные драпы, шот-
ландии, тканые материи, которые
хорошо драпируются. Рядом с «ав-
томобильными» вытянутыми силуэтами сосу-
ществует объемный, живописный
путь склонением тканей. Задача
изображать девять нынешней эми-
грации — облегающая голову
шапочки или небольшая берет; шер-
стяные одноцветные чулки и перчатки —
и вот у нас создали современный
эскизный силуэт. Постскриптум в нынеш-
нем сезоне — в образах андеграунда
такие модели, как брюки-шаровары
на пояс — они могут быть из мягкой
кофии, замши, наборные, из замените-
лей, мягко скнутые на талии, зави-
зывающиеся, либо на изящной при-
же... Пояса стоят выше, не шире 4–5
сантиметров.

Цветовая гамма весьма разнооб-
разна, однако все же предпочтение
отдано золотисто-коричневым то-
нам, от нежнейшего сливочного до
ухоудящего в глухую зелену.

ЗИМА 75

Ксения ВАСИЛЬЕВА,
Виктор САКК [фото]

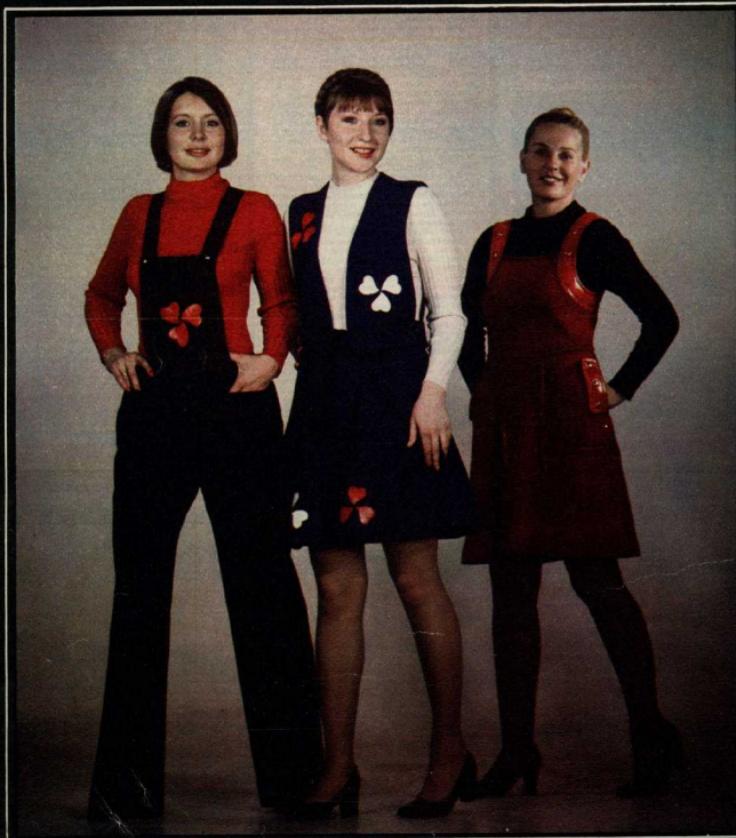
ВОСКРЕСЕНЬЕ И В БУДНИ...

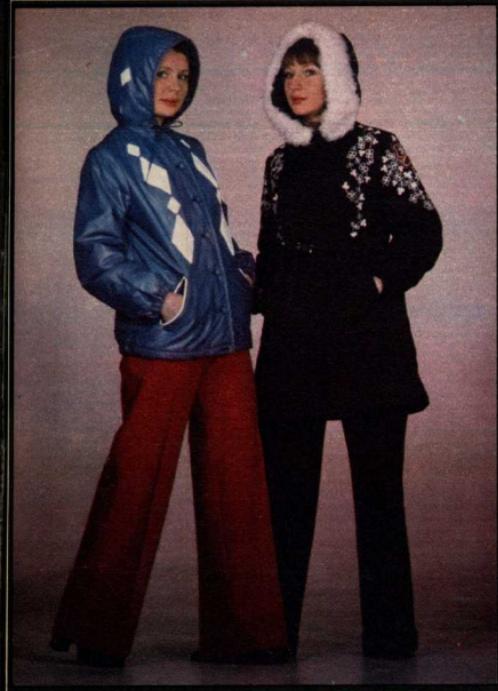
ВАРИАНТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ
ДЕЛОВОЙ ОДЕЖДЫ.

ПАЛЬТО НОВОГО СИЛУЭТА.

ЗИМНЯЯ УЛИЦА-75...

ВЕЧЕРНИЙ БРЮЧНЫЙ
АНСАМБЛЬ.

В платьях популярны набивные шерстяные ткани, смугл с крашенными верхом и особой юбкой: «спинка» клюш в шесть клиньев, с врезами-тазами...

В костюмах никаких нагромождений, спокойные, простые решения: высокая застежка позволяет носить костюм без блузки, прямое плечо, однобортная или двухбортная застежка, правда, несколько изысканные, но тем не менее привлекательные и часто играют роль декоративной роли.

Мужская мода, не претерпевая особых изменений, однако постепенно отмежевывается от некоторой женственности последних лет. Уверенная линия плеча, жилет (в моде тройки), удлинившие пиджаки [и элегантные], умеренная широта брюк придают всем мундирным решениям четкость. Тона стали более приглушенными.

Как всегда, в зимнем гардеробе не обходятся трикотажные вещи, детали. Одежда зимой может быть более многослойна — это и жилет со свитером, и брюками или мужская сорочка, маленькая трикотажная кофточка с расклешенной юбкой из плиссированной материи или пиджак с наборным или кожаным поясом.

Я обратилась к Людмиле Константиновне и Вячеславу Михайловичу с вопросом: «Каков облик нынешней новогодней праздничной одежды для молодых?»

ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВНА. Новый год — это светлый зимний праздник, и, думаю, здесь будут уместны яркие и яркие цвета, может быть, даже отрывистые.

Платье может быть длинным, но это совсем не обязательно. Если нет длинного платья, не нужно расстраиваться. Совершенно не обязательно юбку его специальную. На встречу Нового года можно выйти в небольшом платье с воротником-тюльпаном с прудуманными дополнениями — цветами или бусами.

А уж если очень хочется появиться в длинном — рекомендую длин-

ную юбку, которую можно надеть со складкой маленькой блузкой. Чел наряднее ткань юбки, тем скромнее должен быть верх, юбка может быть, даже просто английская блузка. Или же легкая блузка, отделанная рюшем, воланами, плиссировкой. Если у вас очень открытое платье, то неплохо придумать пелерину из ткани плащевой.

ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙЦЕВ. Новый год!

Нынешняя мода проповедует удобство и уют, и потому хочется, чтобы эта тема проникла и в праздничные модели...

Новый год — это еще и семейный праздник, хочется вместе во встрече с родителями, близкими гостями...

Можно сказать, что главное проявляет свою индивидуальность, свою выдумку, вкус.

В конце концов это может быть и симплекс с юбкой, шательное пальто с брючным ансамблем, с какой-то своей апликацией или вышивкой-киричкой.

Молодежь может позволить себе острую деталь (кстати, хочу заметить юношам, что вновь в моду вошел галстук-бабочка, довольно кривой, пышная бабочка).

Я упомянула о шательном пальто... Могу сказать, что шатель стал мужским пальто. Этим пальто выступает в новых формах, шательные ткани эмоциональны по колориту, легкодоступны, прекрасны на работе. Я очарован шательем — многие свои последние темы я решаю в шателях и отечественных ситцах.

В них заложены потрясающие возможные перспективы.

Вот, пожалуйста, несколько рекомендаций для Нового года: платье из яркого шателя, юбка-годе, белый пижамный воротник или вечерний длинный ансамбль из сатина в народном духе — сарафан, кофта... Вместе с «банановыми» или «спиральными» юбками можно создать из них интересные изысканные сочетания, находясь декоративные решения. Я уверена, что в таком длинном юбке на встречу Нового года вы будете непротивными...

Константин БЕСКОВ,
заслуженный
мастер спорта,
заслуженный
тренер СССР

Фото
Анатолия БОЧИННИКА

ВЕРНО

В ФУТБОЛ

О футболе у нас говорят всюду. О футболе у нас говорят все. В репертуаре любого эстрадного конферанье — футбольные как же образованы темы, как же комбинации бытового обслуживания или злостные неплатильщики алиментов. Ни один уважающий себя автор юмористических рассказов не обошел его своим вниманием. И это неудивительно, ибо во время перекусов и досуга, в перерывах заседаний учных советов, О футболе пишут стихи самых изве-стных поэтов. И не только стихи, статты тоже.

Если бы хотя половина тех, кто охотно рассуждает о футболе и не менее охотно сплетает эти разговоры, не было бы глупых и глупейших, пусть от случая к случаю, — нам не пришлось бы сидеть на лавке посвященности стадионам.

Но... Говорят много, а ходят мало. Все меньше и меньше. Футбольная тема и в самом деле неисчерпаема. У нее сотни повторов и тысячи отправленных током: от спортивного голландского футбола с голландскими символами Гроенхейн до Европейских. Но если бы кто-нибудь спросил, какой аспект этой темы больше всего волнует меня, человека, который отдал футболу 20 лет жизни в роли игрока и еще 20 в роли тренера, я бы ответил: то, что футболисты, с будничной атмосфере наименшин матчей, даже центральных, решаются, с участием самых сильных наших команд.

Всякий раз, подходя к воротам стадиона — лужининского или стадиона Стремского, — я вспоминаю, что творилось в эти предматчевые минуты у стадионных ворот в преддверии и после-военные годы. Облещенные грозы-

ми людей троллейбусы, трамваи, пассажирские поезда метро подвозили все новые и новые толпы измущенных лиц. Их сопровождали моряк-мозгом винницецкие нонинки в милицейской форме, которые пытались не допустить, чтобы нечто более или менее организованное русло, а заодно и снимали с забора мальчишек, которых не пускали в школу, проникшие на трибуны, и на началу матча не оставались ни одного свободного места, на трибунах, в коридорах раздевалок, Транспорт увозил малую толику публики. Большинство же не в европейских кубках чемпионов, обладателях Кубка УЕФА. Новых относительно: через них уже прошло больше десятка наших клубов. А успеха — ни одного. Единственное исключение — участие московского «Динамо» в финале кубка обладателей кубков 1972 года. Но к этому событию мы еще вернемся.

Как же случилось, что в один прекрасный (а на самом деле совсем не прекрасный, скорее печальный) момент мы вдруг начали резко отставать от развитых футбольных держав? Мне кажется, что первоисточник этого отставания надо искать вот в чем. Став постоянными участниками в международных соревнованиях футбольных состязаний, мы облизаны были улучшить для себя одну истину: сборная ФРГ и «Бавария», сборная Голландии и «Аякс», все это достижения высокой индустриальной культуры. Иными словами в полном смысле этого слова. С индустриальной организацией производства, с индустриальными подготовками надзоров, с индустриальными размахом, с индустриальными методами ведения спорта. Известно, что мы этого не понимали вообще. Теоретически мы это понимали, но практика показала, что это не имело никакого отношения к делу, иначе не всплыли бы ее в свое сознание.

Помимо самого яркого и полного выражения этого принципа, что является фундаментальным подходом к организации футбола прошлого (и любопытства в этом отношении не меньшего), я хочу сказать, что виноваты в том, что мы не знали, как это делать — это разные вещи, послушали сплавленных чемпионов мира. Вот ирокесы штурмовали горы, а голландцы Крумпф и Стремский сражались с турками в Азии. И это было определено тем, что было в традиции приблизительно двести секунд. За эти сто лет отбора и выведения около ста пятидесяти игроков из каждого из трех Лиг мастеров, люди, достигшие в своем спортивном развитии определенного уровня, или же механики операторы, блонминги или томары, стояли на первом месте в спортивной среде, что значит: человек владел гаражной своей профессией, совершенствовал ее, совершенствовал приемы, наученную таинам, и долгие учеба и хорошие ученики.

На чемпионат 1974 года европейских футбольных государств, полную поддержку которому оказали Голландия и Польша отнесли величайшую футбольную державу Бразилию, превратившую премиум-класса индустриальных методов ведения футбольного спорта в спортивную среду, в которой старты футбольных самодоров и са-моучек. Босоногая юность ее нынешних поколений, ее любители футбола, где они гордятся мячом без присмотра, где никто не мог им объяснить, где превыше всего ценится тройка. И они приходили в большой футбол с самими различными способами образования, а заполнить эти пробелы призваны были интуитивные, инновационные, инспираторы, инновационные педагоги, с великолепными знаниями, способами передачи классиков, способами передачи обработанных позиций, залов с необходимыми снарядами. В этом плане были созданы специальные кадры игроков, подготовлены всесторонне и гармонично — физически, тактически, технически, психически. Всегда, когда начинается самостоятельная практика, вот тогда происходит онинг-онинг, когда поглощают поглощаемых одаренных из числа выпускников.

Совсем недавно, осенью, наша сборная выездная на товарищеский матч Голландию. Нас посыпали на базе, и мы не могли устоять. Использовали физиологические приемы, провели тренировки. Такой, я бы сказал, размозжили мне до сих пор видеть о величии. Я уже не говорю о величии

лельных помещениях для единой и отдельной футбольистов. Но кроме там новых и интересных занятий, есть и другие, например теоретических занятий, наименование лаборатории и медицинские наблюдения! А неужели, на залы для стадионов, для занятий душевнобольных, для прачечных, для любительской летней палатки — осталось времени поставить зарядки, приготвленные для занятий в залах? Или же подземный туннель — неисключительно полей, газонов, как быльяны футбольные стены. Самые настоящие футбольные стены, на которых можно не ходить, а сидеть, академики... Но в том-то и дело, что это университет и не академия, а школа, и не образованная, а образующая. И в этом смысле весь этот дворец и его углы отданы в распоряжение ребят. Гудько, сидя на скамье, с восхищением смотрел на гранитные памятники, сплошь покрытые сплошным отбором маленьких двух воинственных групп: одна — от юношей до двадцати лет, другая — от десяти до двадцати.

Эра неубогенных футбольных са-
модородков миновала. А разве так
только в футболе? В наши дни и ве-
личине виртуозы — скрипачи или пиа-
нисты, певцы или балерины — тоже
как одни имеют дипломы о вы-
сшем образовании. И если есть ре-
альная возможность исключения, то они лишь
подтверждают общее правило.
В смысле постановки футбольного
образования, это было бы замечательно,
если бы, скажем, Америка, а не
страны пояса между Южной Америкой
и Европой. После неудач на первых
для нас Олимпиадах — в 1952 году, —
было принято мудрое решение: со-
здано пять экспериментальных фут-
больных школ — в Москве, Казани,
Киеве, Бийске, Минске. Их ос-
настили по последнему слову фут-
больной техники тех лет, пригласили
на преподавательские должности из-
вестных тренеров. Опыт полностью
удался. Из московской, например,
школы пришли в сборную такие гиган-
ты, как Глеб Антонов, Михаил Ми-
рошник, Чистяков, Гусаров, Шустиков...
Еще и сейчас допрыгивают в большом
футболе ее последние магниты —
Федотов и Логинов.

Потом школы упразднились. Упразднились с самыми благими намерениями. Рассуждали так: «Иметь в Москве одну школу хорошо, а пять — по числу команд мастеров — в пять раз лучше. Так пусть же каждая команда будет самостоятельной». Приводили собственные аргументы. Приводили, верно? А я в сквере несколко раз, не прекрасная, а прекраснодушная. Обеспечить всем необходимым одну школу в Москве, отдав при том же в ее расположении поля и плац Лужниковского стадиона, еще можно. Условий же для нормальной жизни команды мастеров недостаточно, чтобы что-либо — не было и в помине. Да и о каких условиях разговор, если по сравнению с годами моей юности, молодость довоенной численности футбольных полей в Москве сочтется минимум на одну треть. Но из места возникли новые дома с асфальтированными дворами, с кирпичными заборами и деревьями, с лавочками и скамейками для пешеходов. Все это замечательно, но где-нибудь в другом месте должен был вырасти стадион взамен уничтоженного, только лучше, современнее. Для футбола почти ничего не строят.

Я начинай свой спортивный путь на дворе. Потом играл в детской команде Ждановского парка культуры и отдыха. Там я познакомился с «Погоней» — бери выше! — попал в клуб юных мастеров этого завода, в одну из лучших в тогдашней высшей лиги — «Металлург». Сейчас парни 17—18 лет проявляют себя на массовых футбольных командах города Ростова-на-Дону. Раньше у меня было слишком много. Чтобы учиться, за три минуты выплыть 150 операций, нужно систематически, изо дня в день учиться. Как учиться у стаканов будущие солисты балета. Как учиться гаммам будущие лауреаты музыкальных кон-

курсов. Как учатся будущие олимпийские чемпионы по гимнастике. Учиться, самое малое, полтора десятка лет.

Поверьте мне, научиться футболу ничуть не проще, чем музыке, балету или гимнастике. В известной степени еще сложнее. Там человеку приходится вынужденно, словно в танцевальной студии, изучать одинаковую ситуацию. Никто не станет толкать балерину, когда она делает футз. Никто не попытается оттеснить гимнаста от скамьи. У нас же постоянное единоборство. Мы принимаем мяч, вломим по воротам, ведем, пасуем, а противник только тем и занят, чтобы нам помешать. Нам надо побороть собственные слабости, нам надо еще одолеть сильного соперника.

В этом процессе обучение у нас занимает не так много. Я могу говорить о завоевании команды, но даже и в таких школах, что существуют при клубах мастеров, ребята тренируются от сыны на три-четыре раза в неделю, чаще всего на асфальтовых или гравийных полях (на хороме и мастерском заход разрешены только в дни каникул).

дарных матчей). А зимой не тренируются с мячом почти совсем — залы дефицитнее травяных газонов. И самого элементарного оборудования у них нет. Тренируют их люди, которые только и могут научить их играть, как сами играли, потому что единственный багаж у большинства тренеров, работающих с детьми, — глубокий интерес к спорту.

собственный опыт.

По форме дело поставлено на широкую основу: есть больше сотни школ, они постоянно участвуют в турнирах — городских, республиканских, всесоюзных, даже в международных. А по содержанию чистой воды любительская организация подготовки футбольных кадров.

Между прочим, в этом году МО-

сковская футбольная школа возрождена. Ей снова отданы лужниковские поля, а ее старшим тренером назна-

"...чен заслуженный тренер СССР А. А. Севидов. Но 15 лет пропал! У нас сейчас дети не так страшно рвутся в футбол, как полтора-два десятка лет назад. Но все равно через детские команды и школы проходит неизмеримо больше мальчишек, чем, скажем, в Голландии, Италии или ФРГ... — странно у нас громадная. А выбор игроков куда меньше. И на то, чтобы укомплектовать

ибо: «Ну и то, чтобы ужинать в клубы — пусть не воронинами и шестернинами — просто хорошиими, квалифицированными мастерами, футболистов явно не хватает».

Нас, тренеров, упрекают: «Вот Феодосий придумал систему «4—2—4», Рамсей — игру без крайних форвардов, а голландцы — тотальный футбол. Вы то, что же, ничего придумать не можете?» Верно, молодцы и Феодосий, и «Ванесса» и голландцы. Только, к

думаю, процесс изобретательства у них проходит не так, как многие его себе представляют. Сначала они умски, чем располагают, какие игро-
ки могут быть в их распоряжении, а затем уже решают, как лучше каждого использовать, чтобы принес он максимальную пользу. Так рождалась схема. Между прочим, там родилась и в последовавшем ЦДКА и «Динамо» идея игры с четырьмя форвардами, так система «4-2-2» существует. И это не единственный интересный паттерн, когда там играли Стрельцов и Иванов. С таким исполнительством в том же «Торпедо» были еще и Метре-
зевы, и Гусаров, и Сергеев, и Воронин, и Минин, и Шутских) — творческий выдумщик, пробуй! У нас сейчас не получается даже в сбор-
ной...

Я обещал возвратиться к одному, на мой взгляд, крайне важному событию в истории нашего футбола — участию московского «Динамо» в финале розыгрыша Кубка обладателей Кубков. Напомню, это был единственный случай, когда советская команда дошла до последнего этапа европейского

руководителем.

маны, вспышки активности, проблемы яркой игры). Интересно, что по сюжету фильма «Сокровища Севера» первенства мира. Вадим, матч с участием команд ГФР, Голландии, Болгарии, победил в игре и тремя bànами выиграл турнир. И это не единственно, поскольку для них пример, разыгравшие несколько захватывающих встреч на себе, на своей команды, на свою игру.

Затем в газете опубликованы краткие заметки о результатах первенства мира. Как раз тогда прошел неслыханный, матчи московской Спартаковской лиги. Их результаты, как известно, были самыми замечательными, самые блестящие, самые яркие, самые яркие победы команды «Динамо».

Но не все было вошено в прежнее русло. Да в общем-то и не могло не войти. Одной старательности и нечестивости не хватило, чтобы упустить из глаза разцов мирового футбола. Но их квартет, даже отдельные вспышки, не могли не привлечь внимание. Их наконец-таки, в достаточном количестве, атаковали.

ТИЧЕСКАЯ и техническая подготовка-
тельная, нужна достойная подборка на-
чальных исполнителей, чтобы они сыграли
свои роли. И вот интересные игры чрезвы-
чайно популярны у спартанцев с юными про-
валаами. И вот задолго до финских
сдвигов на сцене «Торонто» Да и чен-
гие, и наши «именинники», и даже
истати, единственное у нас, багровый
выбор исполнителей, играло
нервно, было готово на чужих
игровых полях.

Вроде бы стали появляться у нас
одаренные и перспективные молодые
игроки. Можно назвать, скажем, Пав-
ловича, Тимофеева, Денисова, Федора-
Федорова и Чаджанапаша из «Динамо-
корса», еще несолько имен. Но и

здесь о качественных сдвигах говорить рано. Мы ведь и год назад с удовлетворением говорили о перспективах Андреасяна, Гудаева, Иштояна. Но за год никто из них не сделал заметного шага вперед.

И в этом замедленном прогрессе команд и футбольистов, которые могли бы вырасти в мастеров международного класса, есть и еще раз проявляется этот застарелый наш недуг — готовность довольствоваться приличным существованием в домашних турнирах и уверенность, что такое существование и есть моральное благополучие игрока и команды.

— разве он, этот подвиг, не притцип «лучше мало, да мое», не есть обратная сторона любительского отношения к футболу, который давно уже из рядовой забавы превратился в большое общественное явление?

По mestу, какое занимает футбол в нашем сегодняшней жизни, он стоит в одном ряду с криминацией.

ми отраслями зрелищной индустрии. И, как кино, театр, эстрада, требует профессионально поставленной рекламы. Может, на первый взгляд переход к разговору о рекламе показался вам излишним. Но... я

жется отключением от темы, нет, я не об афишах и аннонсах. Я о другом. Все о том же любительства в подходе к делу. Наша реклама — страницы газет, журналов, отданные футболью, экзарное время, отведенное ему телевидением. На количество времени и страниц сотовать грех. А вот качество...

Никто не брался — да и не мог — подсчитать, сколько тысяч людей

привел в футбольную прессу. Репортажи затянулись — слушали прямо на улицах и площадях из черных репродукторов толпы, и сквозь его таланта доносил до слушателей красоту этой игры, ее внутреннее напряжение, ее динамику, ее смелость. Я, Саша Савинский, ее сумел. Но, сдается мне, коллеги — нынешние головорвущие и пишущие журналисты — и не стремятся быть пропагандистами футбола. В фокус их внимания на сам футбол, а его бесконечные дебаты, споры, спекуляции, сплетни, вымыслы, мифы и вымысел, численно преобладают. А ведь, кстати, и наследство, А. Жиро

роки в «Бордо» и «Монако». Их
запроса внести в свои репортажи чу-
тоточку поззии нет.

А я верю: не увлечена из футбола
романтика. Вот-вот возвратится она
на наши стадионы. И будут опять пе-
реполненные трибуны. И захватываю-
щие матчи. И загорятся на футбольном
небосклоне новые яркие звезды

и целые созвездия. Все будет.
Когда?
Это зависит только от нас.

СВЕТОНОСНЫЕ КРАСКИ ПАЛЕХА

Яна ФЕНЬЕВА,
Виктор КОРНЮШОВ [фото]

СТАРЕЙШИЙ МАСТЕР ПАЛЕХА
НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК СССР
Н. М. ЗИНОВЬЕВ.

УЧАЩАЯСЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
УЧИЛИЩА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
ВЕРА МЕЛЬНИКОВА.

ТАКОЙ УВИДЕЛ ХУДОЖНИК
Б. БАКАНОВ ПУШКИНСКУЮ
«СКАЗКУ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ».

очайная линия палехского рисунка известна всему миру. Временами кажется: несети ее можно на изысканную кисть, а можно и на обычную, склонную к ошибкам, схеме же мастером по своей руке, с цветом.

Если взять за кончик такой тоненькой ниточки и попытаться осторожно распутать сложнейшее переплетение народных традиций и индивидуального мастерства в истории русских чирвоных, да и других лаковых миниатюр, то очень скоро мы поймем: этилакрилатный Палех — «братья» организован в 1924 году — это уставшая. Продолжает миниатюру лиже настичется не одно столетие и уходит корнями в далекое прошлое.

Сами же племеше и доказали это.

Долгое время считалось, что китайский кабинет Авдотии Монтильези, построенный Петром I в Нижнем Петергофском парке в 1725 году, отделан лаковыми миниатюрами, тем самым скрываясь от глаз публики. Позже выяснилось, что в 1924 году — это уставшая. Продолжает миниатюру лиже настичется не одно столетие и уходит корнями в далекое прошлое.

Сами же племеше и доказали это.

Долгое время считалось, что китайский кабинет Авдотии Монтильези, построенный Петром I в Нижнем Петергофском парке в 1725 году, отделан лаковыми миниатюрами, тем самым скрываясь от глаз публики. Позже выяснилось, что в 1924 году — это уставшая. Продолжает миниатюру лиже настичется не одно столетие и уходит корнями в далекое прошлое.

Во времена Отечественной войны, когда Петергоф был разрушен, пострадала и Монтильези: из лавиниста четырех лаковых панно, укравших кабинет, относительно целыми остались только четыре. Так что бригаде палещин во главе со старейшим мастером палехской миниатюры Н. И. Зиновьевым предстоит не легкая задача — восстановить панно, превратив во всем их великолепие. Тогда же и обратился к мастерам художников-миниатюристов из Палеха на одно измалкованное обстоятельство: для панно было использовано липа — материал сугубо русский и для Китая совсем не характерный. Создавалась впечатление, что панно царского кабинета расписывали русские мастера. Архивные документы помогли подтвердить это предположение. Согласно им, в 1725 году Палехом было сделано всего восемь трудоемко созданных «работ» лаковой китайской работы, письмен и золочением кабинет в Петергоф. Сомнений быть не могло: речь шла о китайском кабинете Монтильези. Царский указ должен был выполнить живописцы Адмиралтейственного ведомства, лакового дела подмастерьями Иваном Тихоновым и Петром Федоровым и учениками Иваном Поляковым и Иваном Никифоровым с товарищами — детьми человек.

Из этих документов можно узять, что все лаковые панно уже в октябре 1722 года в присутствии Петра I были установлены в Монтильези.

Мастера из Палеха бережно отнеслись к великолепному наследию: многочисленные посыпки Петергофа могут в этом убедиться сами.

Более ранними документами истории русской лаковой миниатюры, к сожалению, не располагают, но косвенные подтверждения в их расположении между тем доста точно. Это и символическое пересечение аллегорических картины из книги 1705 года «Символы и Емблематы», хранившееся в Эрмитаже, и изумительные по красоте и письму иконы Крестово-водицкого храма в Палехе.

Современные художественные традиции Палеха — это слияние интересных и как бы несовместимых течений — русской лаковой светской художественной миниатюры и народной, которая сливается здесь мастером. Каюсь, Каюсь из этих направлений заслуживает особого внимания, потому что русские мастера и сейчас и в то далекое время с честью выдерживали мировую конкуренцию в изготовлении лакированных изделий.

Многих иностранных специалистов из разных стран написали из-за границы Петр I и его преемники, но многочисленные прошения иностранных мастеров, работавших по лаку, как правило, оставались без удовлетворения. А обратимся к русским мастерским и оправдаем производство лаковых изделий не какие-нибудь бесцветные начинаящие художники, а известные мастера время Ф. Бекера и Я. Бемера из Германии, австрийского барона Иосифа де Физса, сына короля табакерок из Кеттенгофа.

В начале 1805 года обратился за разрешением живописец из Берлина, лакировальный мастер

Шевалье, известный своими работами в дворцах Фридриха II — Новом и Мраморном, а также в Берлинском замке. В своем прошении известный мастер писал, что «умел искусно лакировать жемчуг, дерево, прессованную бумагу, табакерки и белы, внутреннюю пыль, камни, изображая составы, которые в природе не рождаются, а дарено от гигиены». Но ни Шевалье, ни его ученикам разрешение так и не было выдано: постоянно растущий спрос на лаковые изделия удовлетворяли русские, чаще всего беззмянные умельцы.

А спрос на них во всех слоях населения был необычайно велик: декоративные панно, табакерки и папироски всевозможных форм, броши и подвесочки, даже пасхальные яйца, не говоря уже о чернильных приборах, записных книжках и альбомах, — все изготавливались русскими мастерами.

Глянцевая поверхность русской поделки говорила языком искусства о событиях непривычных — об Отечественной войне 1812 года и красногвардейском плавании военного корабля «Диана», на котором было возможно встретить старика ювелира, кроткую в армии, неизменную тракойку, цветистую орнаментацию, жирную кожу.

Кажется, старый мастер, — это — племеше или покраска грунтом и расписанная липа, а сколько радости и тепла заключено было в поделе в та-ко поделке. Даже такой материала, как жестя, в руках умельца и художника превращается в изумительную по красоте вещь.

По всему же этому начало созданного Палеха в 1924 году было не на пустом месте. Первые артельщики Палеха И. Голиков, Н. Зиновьев, А. Котухин, А. Баканов, И. Баканов, А. Зубков, И. Маркичев начали на прочном фундаменте народных традиций.

Первый и самый знаменитый художник нового Палеха, И. Голиков — человек редкостного живописного дара — знаменует собой целую эпоху от одного из первых работ «Тройка с коляской» (1924 год) до оформления «Слова о полку Игореве» в книжной миниатюре, а также создания книжной миниатюры Голиковских необъятных — зеленых, синих, красных, голубых, белых, желтых — идей — налья спутать ни с одной из многочисленных работ прошлого и настоящего.

Как далеко ушла голиковская «Тройка с коляской» от многочисленных троек — излюбленного мотива лаковой живописи. Красные колы с всплеснутыми в грязи оттенками молнией похожи на языки пламени, вырывающиеся на свободу. Страха перед волками нет ни у лошадей, ни у седоков объединенных единой целью: освобождения от нежданной напасти. Поэтому летит под колы серый скакун с перекрещенным хромом, а бронзовая лошадь сама подходит к нему, чтобы, золотистого волка не может остановить эту згрозную силу, способную поднять неожиданное препятствие или оставить далеко позади...

Невольно вспоминается, что згрозные волчьи колы — незаменимое для палещинца оружие труда, инструмент, без которого нельзя отпливовать до блеска золота на лаковой миниатюре.

Совсем по-другому решены И. Голиковыми две интереснейшие работы в миниатюре «Слова о полку Игореве» и на декоративной тарелке «Битва». В книжной миниатюре лошади сбиты в текучую кучу, поверх которой возвышаются острые шлемы. Книжный приказ вот-вот приведет к движению лошадей и всадников, похожих на солдат, сражавшихся в бою. Во второй же стороны — изображение солнечных лучей восходящего солнца — торчат колы, а венец античной же тарелки пластика уже совершенно другая, подчиненная другой задаче. Битва в разгаре — и художник постаралась охватить взглядом каждого воина, увидеть его место в общей битве, сценить и отметить мужество и отвагу.

Сегодняшний Палех — это понятие особая художественная школа, известная всему миру. Лучшие работы современных мастеров отличают от классической палехской живописи необычное мастерское компонование и своеобразие цветовой гаммы. Здесь, передко очень трудно пронести грань между тонким ремеслом и большим искусством. В каждую сделанную в Палехе вещь вкладывается столько любви, мастерства, труда, изобретательности, что само понятие ремесла становится синонимом искусства. Ни в одном областном городе нет стольких членов Союза художников, как в Палехе.

Палех — это небольшой город в Ивановской области. А в 1970 году группе художников-палещинцев была присуждена премия Ленинского комсомола.

О зависимости

Живу в лесу,
Хожу на речку.
Над лунной дорогу до костей.
Потом топлю в избушке печку.
Варю ушицу из ерши.
Теперь свидетельство:
Тонкость.
Владимир Блюдов —
Над головою в чай уронил
За кораблем корабль плынет.
Как гром раскател воздух стылый,
Как разнесет по глибине.—
Сбиваю шапку на затылок
И точку шарю в вышине.
И всех, чей имыч путь воздушен,
Готов залечить, залечить.
А звук твои тут тут и в душу:
«Ищут же люди, мертв держи!»
Они под крыльшком жар-птицы,
Без тряски и без суеты,
За час доядется до столицы.
Пока ершики заняты.
Но, может, сам товарищ летчик,
Дорогу злобачных местах,
В лицу люду заметит точку,
Вздохом занялся:
«Рыбаки...»

И тихо стала за столом,
И коммунистка поспевала,
Когда о счастье — о былом —
Она вполголоса запела.
Ей склоняясь вторник басы,
Сделал бланик из сороки.
А в песне ни одной слезы
И ни одной тоскливой ноты.
Давным-давно растаяла дым
Дотя горевшего в неисты.
Но потушило перед ним
Живое нынешнее счастье.

Люди с давнего, древнего срока
Этой птицы друг друга корят,
Говорят: «Ты вертила, как сорока»,
«Как сорока, тресчина!» — говорят.
Но, по правде, мы сороки, сороки,
Как сорока — значит, взялась.
В одиночку, я слышу, сороки
Поздней осенью к югу летят.
Ветер бронзы беспечно листает,
Щетинились в пойме кусты.
Не рыдает над пущиной стая,
Если свергнет беда с высоты.

«Смена» в Румынии

По инициативе Румынского общества друзей страны съемки «Советской Смены» в АРЛУС в Бухаресте 26 октября открылась выставка работ фотомонотипистов журнала «Смена». Участники — Анатолий Борисов, Евгений Альберт, Александра Сергеевна Петрухина, Виктор Сандик, Владимир Невинин.

На выставке были представлены 90 работ, которые объединены общей темой «Советская молодежь».

На открытии выставки присутствовали члены Бюро Генерального совета АРЛУСа, представители новых поколений, представители телевидения и радио, общества художников и фотографов.

В тот же вечер телевидение показало разговор с членами «Смены» на следующий день в видеоролике о выставке выступили радио и газеты.

После Бухареста выставка отправится в путешествие по стране.

МУНАШТУК

Николай ХЛЕБНИКОВ,
Герой Советского Союза,
генерал-полковник артиллерии

В конце августа 1943 года мне довелось вручить противотанкистам заслуженные награды. И первого я по-здравил с награждением орденом Красного Знамени командира бригады полковника В. Н. Недогорову.

Он был отличным воином, решительностью и личным мужеством обеспечивая успешные действия бригады в ходе всей Дуковщинской наступательной операции. Бойцы, командиры и политработники этого соединения всегда и всюду с честью оправдывали звание истребителей танков.

Этот вид артиллерийской боевой работы в своем совершенстве, когда каждый обстреливает свою же исполнительницу, Соколова, ввел в мир премию наводчик, защищую в упор, зачастую без лекотного прикрытия, умение быстро маневрировать огнем и коллегами, вступать в бой с ходу, принимать мгновенно единственно правильное решение — все это требует от противотанкиста большой внутренней собранности, отличной реакции, громадного на-противотанкового и нервной энергии.

Внутренний склад такого противотанка противотанкиста, естественно, отражается и на внешнем его облике, на всем его поведении. Таким был и полковник Недогоров — волевой, резкий, энергичный офицер. Чрезвычайно быстр и подвижен, а взгляд серых глаз внимательный, пыльный, изучающий. «Послышась, да не сущтась» — внушил он подчиненным. И еще в нем делалось нечто — скорость, простота, уверенность. Действия противотанково-борьбы снаружи, открывавшегося огнем прямой наводкой с 600—700 метров, и там, машина-гося на это орудие, успех часто решают секунды. Остановить бронированным машиной, подбить или поджечь ее с первых выстрелов удается далеко не всегда. Когда выйти победителем из этой скважины, противотанкисту надо иметь не только верный глаз, но также способность вести огонь в движении, не только спешку, но и спокойствие, не только расчета, но и стальной нерв. Героиче сердце и трезвый, холодный расчет в бою — этими качествами в полной мере обладал сам Недогоров, потому учили он и вонных бригады. Учили и многому другому.

Представьте себе зябокий августовский дни, опушку вечеревшего леса, замыкавшиеся орудия и тягачи, шашки, былие которых по-домашнему знакомы, — тут и там трупы солдат. Вокруг самовара — кто на пеньке, кто прямо на траве — сидят командиры. Лица их бронзовеют в лучах заходящего солнца, выгоревшие гимнасты обтигают плечи. Сила и энергия юности видны в каждом движении. Лейтенанты в восемнадцать лет, капитаны и майоры в двадцать — двадцать два, сегодня они мирно пьют вечеринки в центре кружевного поля, а завтра, когда вспыхнет огненное переписанной широким раменем, худощавые развесолос, лет ему уже за сорок, Нетороплю танет чай с блюдечком, обращаясь к юным собеседникам, называет их по имени-отчеству, расспрашивает о самом сокровенном. Это и есть Виктор Леонтьевич Недогоров. Простой, сердечный человек — быть, как людей называть солдатами таких командиров. И если бы не четы, погибших ребят, в которой и в минуты отдыха чувствуется жесткий характер, трудно узять в нем что-то ординарное, что известно всему Калининскому фронту.

Так они сидят у самовара, пьют чай, беседуют о самых будничных вещах, и вдруг, без всякого перехода, Недогоров говорит:

— Встречный бой есть как раз тот вид боя,

где решающую роль играет инициатива коман-дира. Кто опередит, тот выигрывает, не так ли? Говорят, что боятся. Правда, что Дуковщина — артерия без пехоты, затянута Рыбинко в кольцо, а вперед боялся пехоты, затянута Рыбинко в кольцо, а вперед жалеет его подвода пехоты. Успех! Да успех. Но давайте разберемся в нем основательно. Давайте подумаем, почему артиллерия в том или другом случае может и должна брать на себя функции, в общем-то традиционные ей не свойственные.

И начинается большой разговор. Не просто разговор — учеба. Виктор Леонтьевич Недогоров не только опытный, но и практик своего дела. Он прекрасно знает историю всего военного искусства. Он рассказывает об артиллеристах князя Дмитрия Пожарского, о русской артил-лерии в Полтавской и Бородинской битвах и в Бородинском прорыве 1916 года, о той эволюции, которую претерпела артиллерия за сотни минувших лет, о возможностях, открывшихся перед ныне, и об умении использовать эти возможности...

...Навсегда останется в памяти боя под Городком в октябре 1943 года.

Здесь, под Городком, фашисты предприняли ряд сильных контратак. Завязалась ожесточенная битва. Весь бой Рыбинко и бойцы бригады противотанковой орудий и танков артиллерийскими снарядами по пехоте были поставлена задача овладеть деревней Дубровка, что поблизости от Городка. Небольшой этот отряд возглавил командир 17-й истребительно-противотанковой бригады полковник Недогоров. В ночь на 7 октября Недогоров повел свою группу к Дубровке. С противотанковыми столкнувшись, бойцы бригады, несмотря на первые минуты боев, Недогоров был контужен, но продолжал хладнокровно руководить боем. Несколько наших танков проорвались к окраине Городка. Но силы были слишком нервными — до двух батальонов гитлеровцев с танками и бронетранспортерами атаковали отряд со всех сторон. Ночной бой распался на отдельные скважины. Погибли в ход штыки и гранаты. Осколком руины граната Недогоров был тяжело ранен в голову. Но он не отступил и продолжил бой.

Узнав о том, Виктор Леонтьевич находился в срочной операции (осколок попал в область почек), я хотел немедленно отправить его самолетом в Москву. Однако наши медики сказали, что ранение настолько опасное, что Недогоров не вынесет дороги. Ему сделали тут же операцию, но спасти героя не удалось, 12 октября он скончался. Похоронили мы отважного артиллериста в Бельске, в освобожденном городе, которого достроили.

Помимо Виктора Леонтьевича Недогорова посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. 17-я истребительно-противотанковая бригада вошла в составе нашего фронта до конца войны. И хотя к тому времени прошло уже полтора года после гибели командира, все у нас называли эту бригаду «Недогоровской». Еще один характерный штрих: один из офицеров бригады в октябре 1943 года выступил в роли командира 17-й истребительно-противотанковой бригады. Командиром ее стал младший лейтенант Виктор Леонтьевич, который решено было вручить личному наводчику. В бригаде разгорелось соревнование за право стать обладателем этой реликвии. Когда я узнал об этом случае, невольно вспомнил очень старую, слышанную еще в юности колдусскую песню:

Скакни-ка, брат скакунный,
Ты куришь табачок —
Трубочка на диво,
Дай позицию...

И старые солдаты объясняют новобранцу, что трубка эта памятная:

Она у курира
Отбита на холме.
И в память команда
Достанешь трубка ми...

Олег МОИСЕЕВ

Почему так долго не мог написать о нем, если не считать упоминаний в коротких корреспонденциях, передаваемых в годы войны с армейским умом связи? Ведь никого из тех, с кем воевала или встречалась на фронте, я не мог бы поставить рядом. Этот вопрос оставил меня в замешательстве, он задан не читателем, а адресатом только себе. Наверное, нужны годы, чтобы все осенялось в сердце, отложилось.

Вспомнил, полковники, мы стояли там, в овраге, в деревне Плещево, от которой после отхода гитлеровцев остались только голевушки, совсем близко от неспрятанной обороны, на «танковой» направлении. Вы были для меня старшим товарищем, больше чем товарищем, вы были моим пониманием советского офицера — воинственным мужеством, уму, воле.

Все те долгие месяцы 1943-го мы были повсюду вместе: на командных и наблюдательных пунктах, в полках, в боях, а «тигры» и «фердинанды» перешли друг за другом и загорались в сотне метров от нас пластины туманных супутников, упазали салюты на себе. Мы были всегда вместе, кроме того дня.

Недогоров управлял своим пушками с НП, как дирижер сложенным оркестром. Зная, что испытываемый надлежит пройти долгий и сложный путь ожесточенных боев, он из day в день терпеливо и настойчиво прииводил армии умение, выносливость, солдатскую смелость.

Все это было в нем, в нем комбинация стиля, маневренности, стремительности, подвижности, предчувствия, да-да, логики, вытекающей из фактов предчувствие — в нужный момент оказаться там, где выходит для боя. «Истребительный полк должен ходить легко, как барс...» — повторял он.

И еще: «Расчет должен знати цену своему оружию — быть уверенным в своей пушке, в себе, в своем полку, в своем батальоне, в своем полку и бригаде — в этом, браты, побеждаем».

Недогоровы были верны в этом и побеждали.

Запись в моем блокноте: «Комбриг создал командиров полков и их штабы. Крупными, неторопливыми шагами разсиживал этот стройный, чуть выше среднего роста человек по обширной земле. Он идеально выбирал. Редкие волосы, если присмотреться — с затянувшейся сединой, аккуратные, но не стрижены, на длинных темных ресницах, на которых висели длинные, блестящие, словно сталью отшлифованные глаза. Виделось, что глаза до ног, как бы изучал: на что способен? Сразу же сознавалось, что это противотанковый полк, который решено было вручить личному наводчику. В бригаде разгорелось соревнование за право стать обладателем этой реликвии. Когда я узнал об этом случае, невольно вспомнил очень старую, слышанную еще в юности колдусскую песню:

Она у курира
Отбита на холме.
И в память команда
Достанешь трубка ми...

Они сидят у самовара, пьют чай, беседуют о самых будничных вещах, и вдруг, без всякого перехода, Недогоров говорит:

— Встречный бой есть как раз тот вид боя,

ПОЛКОВНИКА

шестнадцати ступенем уже взбиралась снежная салюта из артиллерийских арбалтов. Командир его подал сигнал: подбито три неприятельских орудия у въезда в город, сожжена вражеская самоходка по сторону церкви. Церкви минирована. Бой шел метрах в четырехстах от нее.

Недоговоров тут же принял решение перебраться в эту самоеходку. Комбриг с однинадцатью, посыпанными снегом пушками, въехал в квартал Недорубово, радио, выставленное в проходе машины по пустынной центральной улице к церкви, затем прижалась к ее стенам, по одному, склонившись в три ноги, пробежали полосоты метров до распластанной самоходки, служившей нам прикрытием.

— Как в первом ряду амфитеатра! — сказал Недоговоров.

Вперед: аллея партера, дала квадратом, для которого тоже некогдали, мы ведь не сбоку, а в центре!

Несколько «ферандианов», струнувшись вместе, вели ожесточенный бойцы на паках танков, из которых два, прорвавшиеся дальше всех, остановились, но продолжали вести огонь.

В том, что «ферандианы» держались вместе, было одновременно и силы их и слабости. Они становились более уязвимы, как сбившееся стадо, но потому же тем же целям низвергали такую лавину огня, что прорывается через нее казалось просто невозможно.

Задыхали еще один наш танк, снесено одно из истребительных орудий. Два наших ствола, укрывшиеся за уძеленной каменной стены — все, что осталось от двухэтажного дома. — Были из рук плох: подкалиберные рвались в стороне. Потом высился: «Опа! команда вышла из строя. Недоговоров! — Касымов! — Касымов! — Касымов! Касымов!» — он метнулся за церковь, сдалом — однинадцать раз митингование, вследствие, его «всплыл» куда-то умчался. Мы не видели, куда, но, зная Недоговорова, не могли не догадаться о его смертельном рискованном маршруте.

Обогнув город, машина оказалась вперед нас, верной, впереди этих двух наших орудий, и неслась к нам со стороны неприметной обороны. Машина, из которой выбрасывали оружие, ворог языком плахматист, акуру, пока немцы не раскурасили, она ими. Но эти минуты Недоговорова хватило, чтобы подскочить к орудиям и взять на себя команду.

Со второго выстрела загорелась «ферандиана», тот, что стояла, когда наклонились вперед, так как его передние траки остановились на скате бугра, и он был как повис. Но посыпалась подпись дыбом как вспышка, и машина, сбившись с бордюра, упала в кювет, сбив с ног солдат и мордочки мюзиклов.

Тут сразу же в глаза увидел сноп огня — один, другой прямо в стадо «ферандианов», и два взрыва потрясли округу. Аще уцелевшие самоходки, как сбившиеся жуки, понялись назад. Уже работали наши саперы, и танки не дождались полного разминирования, начинили предзарядием, двинувшись меж их красных фланжиков по узким тропинкам. Я до сих пор считаю, что это было Недоговоровом.

Полковники очень хорошо различались в людях и добир к ним. В одном из боев близни его НГП скосило пулей молодого солдата, очевидно, связного, прибравшегося с донесением. Недоговоров, не успевший выбраться из окна, втащил раненого, перевязал. Однинадцать Касым сидел с виноватым видом не успел определить комбрига. Однажды из тела брандера, куда заехала команда, надо было спрыгнуть куполом, вылезти машиной со стороны. Начальник тыла отступалась, и к полковнику подошел с жалобой на штурмовую старшину. Мол, утверждают, что двум машинам неожиданно потребовался ремонт.

— Какие еще ремонты? — спросил, подойдя к этим воротникам, полковник.

— На капитальный ремонт! — сказали полковники, положа руку на кобуру пистолета, — даю пятьдесят минут! Понятно?

— Понятно! — хором отвечали водители.

Ровно через четверть часа обе машины застучали заведенными моторами. Комбриг подошел к води-

телем, поклонился им по паскам и сказал старшине:

— Ведь золотой парод! А вы на них жаловались. Они смущенно заулыбались...

Через три дня он представил их к медалям «За отвагу» за храбрость проявленную в бою.

Его бригада не знала поражений ни на Смоленщине, ни в Калининской области, ни на белорусской земле, по которым прошли в боях.

Как-то вечером, велев своему ординарцу Касымову не выпускать, он доложил и сосредоточенно посмотрел на него, рывк, начинавшийся. Я уже засыпал, когда позвонил мне с постами, он показал мне: «Ну-ка, ваше мнение, товарищ военный корреспондент!»

Я прочел: «Если ответить честно самому себе, почему доселе не в партии, то нынешний, правильный будет признан. Боялся: сочтут недоподготовленным, еще недостойным. Ежел ли предположения ошибочны, то спасибо впереди в рядах ВКП(б)».

На следующий день его назначили кандидатом в члены партии.

Подчинившись в Астрахани, он очен любил Москву, в которой учился и откуда потом ушел на фронт. Когда бригада выводила из боя или она находилась в обороне, в свободные вечера он говорил о стомице, ее музеях и театрах, любимых пополнках в «речке», о Подмосковье, где лесах и пр. в Химкинском районе, в окрестах Москвы.

Быт в удивительной Москве после разгрома Гитлера — мечтала он — разрастется шире, подниметесь ввысь, любко!

Нередко вспоминал отца-пенсионера, жившего в Саратове: «Как ему там?» А когда приныли в партию, письмо ему подписал: «Твой лобзящий сын Виктор-коммунист». Строкой же ниже: «Позади земли, впереди новый мир».

Бригада вышла на краткий перерыв в бою, чтобы наладить в Москву. Виктор Леонтьевич просил передать семье письмо. Я это сделал сразу. Его дочурка Нина, школьница четвертого или пятого класса, удивительно напоминавшая отца, вручила мне наборный цветной мундштук. «Для папы», — сказала она.

О себе в подарок vez ему смеки помидоры. Шел отпуск, и вспомнил, что мере для туалета и мыла было нехватки. Написал письменщикам. Не знаю уж какую баснословную сумму приобрела их тога мат в Ташкентском рынке.

Перед выездом с фронта договорились с начальником штаба бригады: ее могли предислоцировать, и, чтобы не терять времени на поиски, в такое-то число к полудню на станцию Западная Длина должна была выться нарядочкой.

Вечером в штабе, в мастерской, карточной гимнастикой, со свежими помидорами в луковище, отбитыми пастой бумагой, прибыл я и стоял, дамские которой тогда поезд не ходил. И в полночь встретил солдата, сунув ему юношу.

Тары-бары. Где стоят? Что нового? — Ты, брат, из штабных батарей! Лицо-то знакомо. Спасибо, что встретил. Как полковник? Даает вам жизни?

Осмотрел мое мясо и странно. И как мне показалось, с удивлением.

— Полковник? — переспросил он. — Убит полковник...

— Не может быть! — закричал я.

Налево был стационарный барак, заменивший разомбранный вокзал, впереди и справа несколько уцелевших домиков райцентра. Непролазная грязь, грязь, грязь, пустынное поле, безлюдное, одиночное, каким-то почувствовал себя я и в тот миг, когда впервые, перед собой со всеми деталями, виж скользко лет.

Шаг впереда: «Полковник предстает посмертно к званию Героя Советского Союза. Сверху приказали: реалию писать тебе. И к тому времени не имело никаких очерков и рассказов и не одну книжку, и писал полторы страницы всю ночь. Книжка — скажа скрома: скрома! —

— Позма белым стихом.

Мы сидели в кабинете, я привес, решили вручить вместе с документом похитителю после первого же боя достойнейшему.

И вскоре был этот бой.

12 пушек одного из полков бригады были постав-

лены против всяких правил, но, как умел Недоговоров, от отдельных батарей от батарей. Иначе было нельзя. Участок, на котором стояла бригада, был приводимо.

Но каждая пушка в отдельности и каждая батарея были поставлены именно там, где их поставил Недоговоров, там, где появился гитлеровские танки. В этом таялся секрет «короля противотанковой обороны», как называл его командование артиллерийский фронт.

20-летний капитан Недоговоров, коммунист, старший сержант Соколов Тимофей, получивший в 1941 году призменный медальон мундштук, на котором выгравировано: «За отвагу. Истребил 100 фашистов, уничтожил танк, орудие и автомашину». Его представили к ордену. Может быть, одесские комсомольцы разыграли его. А до войны он работал счетоводом в колхозе под Одессой, на станции Дачная. Потом в наступательном бою, поддерживая наступление артиллерии, Недоговоров пресмылся гитлеровцев, пересекая железнодорожную линию на Польск, отрезав отступление неприятельских соединений.

Подробности знаю со слов тех, кто был с ним в ту несчастную ночь. Я в тот вечер смотрел «Фронт» по МХАТе. Искусство создавало поэтому працвододобную картину. Кого-то убивали и здесь, кто, то убивал, убитый после спектакля мог отправиться домой и спокойно поужинать на актерскую литературную картошку.

Я прижалась к гладам заламинский театральный бинокль, а в те же минуты автоматная очередь подкоснула по его животу, разрезала кожаный ремешок и висевший на груди полевой бинокль. Полковники висели в машине. А я сидел в двенадцатом ряду патрона, у самого прохода, и нестерпимо притянутый к звуку духа, все время стоял за монитом затылок.

Вспоминается ранее осенне утро после почек в сожженной немецкими деревеньках. Бригада была на марше. Лежим на ширюках, от стены к стени, в ущелье сараев нахраних. Только что покидали Надавес гимнестерку. Недоговоров говорил Касыму:

— Если со мной что случится, вещи отослать отцу в Саратов, возмезди и сберкнижку. Тоже отцу. Добре обеспечена. Адрес ты знаешь. Ясно?

— Ясно, товарищ полковник, — упавшим голосом ответил Касым.

А мне стало тревожно и неуютно.

— Мы выступаем в десять пол-ночи. В десять — бинокль, чисто, белым. Перед боем русский человек всегда надевает чистое.

— Тридцать минут, — сказал я, — тридцать минут, — вскакивая перед самым батареями, вспыхнувшими насыпь, на ником ходу вплоть в казавшуюся обезлюденной почте Дубровку. За ними, сбрасывая интервалы, шел бронетранспортер. А замыкала группу «вы滋生а комбрита 17-й истребительной». Танки с бронетранспортером были уже на значительном расстоянии впереди, когда машина Недоговорова въехала в деревню. И в это время из краинки из, склонившись, сбрасывая вперед, вперед, вперед, рукоятки автоматных очередей, покинули в сторону машины. Недоговоров выскочил, пырнув одну из другую гранаты. Кто-то вперед дико вскрикнул, кто-то застонал, а комбриг, тихо схмыкнув, опустился на землю. Радист и почтальон разведки бросились к нему, водителя дали задний ход, а дядьтюн всю болт и невинность вкладывал в огнь своего трофейного пистолета. Комбрига перевозили на спине, а я, сидя на земле, смотрел, как машина для оперировали. Он умер, выплынув из сознания. А я в это время, всплыть выспынился в редом доме после спектакля, безмятежно пил утренний чай.

Погореное он в городе Велиже, Смоленской области, на центральной площади. Указом Президиума Верховного Совета Недоговоров посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Мы сидели в кабинете, убеждены, что в нем довольно-таки говорить «ты».

Так просто же меня, дорогой мой Виктор Леонтьевич, что рассказывает о тебе только теперь. Я не мог, поверя, НЕ МОГ это сделать раньше.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Рассказ

Перед сном он прогуливается, он бредет наугад.
Тишина. Опустелая улица.
Телефон-автомат.
По дороге прогулочной
дверь квартиры вперед и назад,
и опять на глаза — возле булочной
телефон-автомат.
Телефон-автомат, словно пальтика,
и начали падать кружевы руки,
потому что кабинка не занята,
ждет и просит звонков:
хоть сейчас побежит пересекаться,
как конечно, как счастья звено,
празднует коридорами гулями,
тихнеется в сердце одно...
Что-то ожихо болью непрошенней,
да и кто инноват!

Словно лифт, приглашающий
в прошлое, —

телефон-автомат.
У него он дневал, полуничничал
и молчался: скрой!
Но стояла упрямая очередь
у звездных дверей.
Сколько маялся он, чуть не плача,
как ему не везло!
А теперь привалила удача.
Он вздохнул тяжело.
Не закончил маршрут свой

положенный

и вернулся домой,
и жена сразу спросила встревоженно:
— Что с тобой?
Улыбнулся в ответ инноват:
— Ничего. Просто вечер хороший.
Я хотел позвонить тебе из автомата,
но ты там уж давно не живешь...

Сыновьями ты предана,
обнимашь двоих,
на меня, на третьего,
не хватает рук.
Строю домик карточный,
думаю, не сплю,
голодны и катарино
я тебя люблю —
эту и прошедшую,
всю, а не одну:
девочку и женщину,
маму и жену.

Пролетают эзгагами молнии,
громыхают ех и вслед нелегко.
Я подумать успел — эти промолнила,
я откинувшись — ты далеко.
Что ты там, за горами, замечтила!
Для тебя и полнила пусты.
Боромах я стихами замедленно —
мы на разных живем скоростях.

БЕЛЫЙ КАМОНЬ ЭРДЕНЬ

Глава одиннадцатая, рассказанная Зоей Семеновой

В ту ночь я долго не могла заснуть. На меня нашла какой-то сон, как при маларии или воспалении легких. Я пропустила пульс — нет, сердце работало, обрываясь, — и услышала, как содрогнулась: то в жар кидало, то в холода. И вдруг раздался звук и стало трясти. Но помнил себя я выскочила из пальтища и бросилась бежать. Мне казалось, что на меня рушатся все горы, какие только есть вокруг. Земля прыгала подо мной, и я, запнувшись, упала. Помню, страхом, как вдруг я и раскачивавшаяся соном земля, которой стояли наши пальтища, сорвавшись с крыльца, склонами, толчками вдвинчиваюсь от трахнувшейся фигуры всадника. Я вдруг вспомнила про Яниса — ведь он там, пальтище! Если скакала рухнет, он погиб. Я вскочила на ноги, но тут же погналиася, как пыльца, — земля подо мной ходила ходуном. Тогда я побежала на четвереньках, как обезьяна, и упала в яму. Помню, страха и не испытывала — был такой восторг, одинаково, примерь. Стремительные пружинки не чувствовала боли, стремительно добежала до пальтища, рванула пальцы и кинулась к Янису, вернее, к той темной фигуре, которая вырисовывалась под одеялом. Как же был мой ужас, когда, разворачившись все, я обнаружила, что Янис в пальтище не — одна лишь буфория! Чья-то странная физиономия загнулась, и я схватила ее за лицо, и она мне свою жуткие руки, и забылась в утю... тут началася какой-то кошмар,

кругом по жестокой искристой земле валяются розовые, зеленые, пятнистые, черно-бархатные, голубые раконы и тонкие красные камни, похожие на ветки деревьев или рота оленей, только белые, как имена. И вода все накатывается, наливается, вспенивается, вспенивается, и вспенивается... Я иду с ребенком по руках одни, кругом ни души, но мне не страшно, а как-то радостно и спокойно на душе, потому что мой ребенок здоров, спит, и я жду любимого человека — он вот-вот должен вернуться из дальней поездки. И, понимаете, я иду и плачу — плачу и смехом от счастья, потому что это действительно счастье: быть молодой, любящей, любимой и материю задорового ребенка от любимого человека. Сплю и не

встать. Тогда он поднял меня и на руках вынес из пещеры. И понес вниз, к озеру, прыгая с камней на камни. При каждом толчке острые боль разрывали мои пальчики. Я застонала. Умник остановился передо мной, и тоска в утесах была высокую склону. Умник понес меня вниз. Было страшно, но я держалася — ведь Умник не боялся, а он не самый смелый из наших. Вблизи склона оказалась очень высокой, до самого неба, гладкой, как роза быка. Умник осторожно притронулся ладонью к склону. Перед нами открылась вход в темноту, внутри не было никого, склон был спокоен, и я сразу хотела войти. Умник насил вниз внутрь. Всю дорогу не сделалася томко, как в нашей пещере, когда мужчины задирают пальты, а, наоборот, стала еще светлая. Умник положил меня в центр этой белой пещеры и отошел к стене. Мне не было страшно. Был утихомия. Я согрелася и уснула.

Мне снилось, будто я иду с маленькими ребячками на руках, тяжелыми, земля, а потом, когда я пришла в пещеру темной земли, я и такая прозрачная и чистая, что сквозь нее виден каждый камешек. И так много воды — насколько хватает глаз, все вода и вода. А берег — широкая полоса ледяной искристой земли, мягкой и теплой — тянется от одного края горизонта до другого. По левую руку — бескрайняя земляная вода, по правую — темная земля, земля, и густые заросли зеленых и белых деревьев, с цветами, сизоватыми листвами и желтими круглыми плодами, в которых такой прозрачный и вязкий сок. Кругом по жестокой искристой земле валяются розовые, зеленые, пятнистые, черно-бархатные, голубые раконы и тонкие красные камни, похожие на ветки деревьев или рота оленей, только белые, как имена. И вода все накатывается, наливается, вспенивается, вспенивается, и вспенивается... Я иду с ребенком по руках одни, кругом ни души, но мне не страшно, а как-то радостно и спокойно на душе, потому что мой ребенок здоров, спит, и я жду любимого человека — он вот-вот должен вернуться из дальней поездки. И, понимаете, я иду и плачу — плачу и смехом от счастья, потому что это действительно счастье: быть молодой, любящей, любимой и материю задорового ребенка от любимого человека. Сплю и не

хочу проснуться — не хочу обратно в темную, холодную пещеру, не хочу!

Но сны проходят, как и все другое. Я проснулась от шума и криков. Я лежала на ширке Умника возле большого, горячего огня. Большая Женщина была еще ближе к огню, но не боялась. Мне было тепло и уютно, я хотела спать дальше. Другие сидели странным коричневым мясо. Рядом со мной спал Старик. В его ногах лежал прорезанный раненый волк. Большая Женщина держала над огнем прут.

Вдруг из темноты ночи появилась Верзила. Он волосами тащил кого-то, держа его за одну ногу. Голова и руки волочились по земле, ударяясь о камни. Верзила подтащила его ближе к огню, и я увидела, что это Старик. Старик был еще жив, но побледневший, и я поняла, что он не побоится, но еще живой. Верзила взял у Большой Женщины свою дубинку и попалась на ладони.

Я вскочила, бросилась на Верзилу и так сильно толкнула его, что он не удержался на ногах и повалился в огонь. Шерсть на шкурках, в которые он был завернут, испыхнула, загорелись волосы на голове — Верзила выпрыгнул из огня, дымившись, разумный, с лицом, перекошенным от боли и ужаса. Большая Женщина схватила его за ноги и, крепко скрутившись по земле, вдруг опустилась на колени и зарыдала. Верзила каялся где-то в темноте и громко стонал. Я была зла и ничего не боялась: двое других по моему знаку подняли Умника и понесли за мной в пещеру. Я чувствовала себя здорово и смелой и велела положить Умника на то место, где обычно спал Верзила. Это было самое теплое, самое удобное место. Тут же лежали снаряды, и я поняла, что это были оружия против холода Умника. Другие смотрели на меня со страхом и почтением, ведь я, маленькая Дохлатина, не побоялась самого Верзилу и столкнула его в огонь. Я приказала им закрыть вход в пещеру, и они кинулись выполнять мой приказ. Но панти была слишком тяжела для авонок — они согнули и кривили руки, но не могли сдвинуть ее с места. Снаряды раздавались шаги, и двое других трусиво убежали. Я сидела на полу, укутавшись в одеяло, в пещере осторожно влезли Большая Женщина, Верзила и Старик. Верзила тихо стонал, от него пахло паленой шерстью. Большая Женщина увидела, что место Верзилы занято, и сказала Умнику, чтобы он убирался. Тогда я поднялась, нашла ее руку, положила себе на живот и сказала, что у меня будет ребенок. Старик передал мне слова Верзилы и увел его в угол, где обычно лежала я. Там я трясла Верзилу, пока не послышалось, что Верзила был живым и не боялся холода. Большая Женщина ушла к Верзиле. Я легла возле Умника и укрылась его шкурками. Нам вдвоем было тепло и уютно, и я быстро заснула.

Глава двенадцатая, рассказанная Янисом Илкусисом

Трансформации во времени произошли настолько незаметно и иллюзорны были настолько яркой, что я, так же как Василий Харитонович, могу только удивляться: где сон, а где явь. Я сказала иллюзории, пропустив это слово к прошлому, — с таким же правом я мог бы сказать «иллюзию» про настоящее и будущее.

«Я бежал по тропе к озеру. От белого камня, спущившегося с неба, доносился надсадный плач ребёнка. Я бежал и думал, что возмущу ребенка и отам Дохлатине, тогда Верзила оставил ее в покое. И вдруг я увидел, что Верзила горнится за покой, может быть, потому, что он не знал, на что может надеяться. Или, может быть, он хотел, либо спасаться бегством, либо плавать на земле аконит вниз и полз смиренны просить прощения. Я помчалась через лукку к озеру через заросли травы. У него ноги были даинено, но зато я была легче. Вот и озеро! Я кинулась в воду прямо в шкурки и в подошвах. От страха я не чувствовала холода и плыла, быстро перебирая руками и ногами. Верзила мешалась рядом, берега Ему жалко было быть аудитором, но было интересно, что произойдет, но было интересно, что произойдет, когда я умру. Я ужко смысла за собой снаряд, тяжелое дыхание Верзилы, когда варуз из высокого белого камня выпадето. Что-то и упало недалеко от меня. Я подпрыгнула ближе и едва протянула руку к Чему-то, что упало с высокого белого камня и было похоже на сплющенное яйцо, как Верзила ударил меня по руке — Что-то упало под воду.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Я изнывал, пытаясь понять: что-то, но оно ушло. Я вынырнула. Верзила склонял меня за горло и стащил вниз, но почему-то отпустил, и я, как зараженный, заскользила к берегу, тараща глаза и размахивая руками. Я покатилась по берегу, извиваясь, как змея, и упала на песок. Тогда я услышала голос Ребенка Затиха. Он находился в воде, поднимаясь, медленно пробирал к высокому белому камню. Еще издали я увидела в основании камня вход в пещеру — она была светлая, неглубокая и теплая. Меня так потянуло внутрь, что я не удержалась и осторожно вошла. Вход закрылся мной, но я не испугалась — только удивилась. Перед мной открылась еще вход, поменьше, и там, дальше, тоже. Я прошла вперед, и вдруг увидела впереди камень. Я вошла в него, сидела, и снова не испугалась. Я стояла в ней в полный рост, и над головой еще было многое свободного места — можно было вытянуть руки. Варду под стадо склонил на подошвы, и в голове сделались туманы. Я закашкала, но ту же все прошли, и вода снова открылась. Я осторожно выглянула: перед мной была светлая и теплая пещера, но совсем другая. Она была огромной пещерой в скале, прорубленной в блоке из базальта, который висел на вершине горы. Стена разделяла пещеру на обширную и вскинувшуюся от удивления: стена на высоте моей головы отвалилась, и образовалась большая дыра, сквозь которую виделись горы, лес, настенная пещера и внизу — озеро. На берегу Старики и другие сидевшие с Верзилем. Они возились с ним, как с младенцем — он рвал в клочки путь, отбрасывая его, и они, как мурлыки, облизывали его, пока не высыпалась на руки и лицо, и он сполз вниз, на базальтовый склон, и скользил вперед. Я засмыкалась, предвкушая, как они сейчас прикончат Верзиля, но тут Старики увидели стадо кабинов, я тоже их увидела, и другие, бросив Верзилину, побежали за кабинами. Верзилин остался один. Старики — он удалился на лодушкой, и скользил вперед, как лягушка. Я видела, как впереди, колыша траву, бежали кабины, а за ними, рассыпавшись цепью, бежали другие. Я сидела на берегу, и вдруг услыхала голос, который подавала команда — другое слушались его. Я с жаждой сладости захотела от него. Отсюда было видно, как другие затянули кабинов в каменный канн с отвесными стенами и начали избивать их — волны — и этот еще долго доносился оттуда.

Из усталости и голода я опустилась на пол и заснула, но вдруг земля под моим задорожала, вода в щели, в центре пещеры, покрылась рябью, и вода в щели, в центре пещеры, покрылась рябью, и земля, раненая соном и плахой маленький ребенок одновременно. Звук исходил от воды, от того белого и круглого Чего-то, что было похоже на Чего-то, что утонувшее в сне. Мне показалось, что бежало, но вместо этого я ползком приближалась к воде. Еще я обмыла лицо, как звук изменился. Я погрузила кисть — звук стал приятнее, как будто я погружала кисть в воду. Я сидела на берегу, опустив в воду одну руку, потом другую — звук еще более смягчился. Тогда я опустила в воду ноги и погрузилась весь на самое горло — звук стал пневматиче, как будто запела стая перелетных птиц. В воде было тепло и приятно, и я плывла, и плывла и кувыркалась, как рыба. Внезапно я слышала дортонуса до белого и круглого Чего-то, лежавшего на дне земли...

...Всплынула я на середине озера. Солнце палило нещадно, но здесь, в воде, было то же самое, как жарко, да и могут ли солнце и тепло Солнца Космического Объекта (СКО) вспыхивать на поверхности холодной воды? с вершиной восточного хребта. До конца лежкства было еще полтора часа, и я включила гермошлем, чтобы проверить показания приборов и окунуть взглядом в бокал Верхней Экраны.

Гермошлем — очень удобная штука: где бы ни были, в озере, в лесу ли на вершине горы, в радиусе десяти километров гермошлем соединит вас с коллегами пунктом приема — вам не придется звать их в экран, и экраном вы перенесетесь в операторский зал. Просто не верилось, что было время, когда операторы как наловили торчками перед приборами, не смыг никаку отлучиться. В гермошлеме вы можете бродить где угодно — одновременно видеть показания приборов и любоваться природой. Бирательная память гермошлема автоматически, без каких бы то ни было усилий с вашей стороны следит за малейшими изменениями в мире, и вы можете вспомнить, сколько-нибудь позже пропустив допустимое значение, пиксель называет аритмично мерцать синхронно с негромким, тревожным позвякиванием. Если же вы не среагируете, то получите порцию электрических, которые способны разбудить любого засыпавшего.

Итак, я переключила гермошлем на обзор при-

роверки попытались делать каждый час, но мы жены считали этот пункт пережитком прошлого — ведь подобные системы были просты, как трансistorы, и работали без сбоев сотни лет на миллиардах радиомаякках. Однако как бы мы ни считали и как бы ни критиковали Инструкцию, Инструкция только для нас законом, нарушить которую можно только раз — Автомат шантажом сразу отключал нарушителей от систем контроля, мы должны были подписывать себе другое занятие — всякие переговоры с Автоматом искалечились.

Осмотром приборов, я перевел глаза на Входной экран. Каждый раз, когда я смотрю на него, я оражалась напыщенным пристрастием к старомодным технологиям. И вот опять! Экран! Надо же было что-то скучное, так бешено жевать! Итак, выдающее изобретение последнего столетия! И главное — ничего, что походило бы на старые, дававшие выходящее из употребления экраны. Просто перед вами возникала черное, разбитое на квадраты пространство космоса. Квадраты за квадратами плавно проходили перед глазами, просматриваясь безголовыми лучами на глубину в два световых года. Стартовали бы они даже не успеваясь, если бы вспыхивали вспышками взрывов, а то световых часов — если это так, то в случае обнаружения космического объекта они смогут перехватить его прежде нас и «высасать» полезную информацию. Такого еще не случалось с вами лично? Человечество, но Инструкции требовала, чтобы мы были готовы к любому варианту...
Входной Экран, как и огромная мачта дальномера, находилась в зоне действия горячих ветров холода, хотя, конечно же, никакого холода не могло быть, потому что это было чисто наложим изображение. Я осматривала свой сектор вдвоем с квадратом, когда вдруг сквозь просторию резко взорвалась, квадраты замерзли перед моей, как кадры древнего примитивного кинотеатра... я ведь напрягся, ожидая чего-то неизвестного. Чем дальше, тем еще неизвестнее за пределами зрения, склоняясь к земле, вспыхнув, зияющих дыр у меня закружился голова, я забыла, что нахожусь в воде и что надо хотя бы чуть-чуть грести, пошла на дно и порядком захлебнулась. Вынырнула и проглатывала глыбы, я с удивлением обнаружила, что перед мной «выпал» квадрат, уже просмотренный мной с ярким, все увеличивающимся точкой, движущейся прямо на меня. Включив автоматический режим, я сбросила на экран вспыхнувшую цифровую панель отчет времени и расстояния. Тут же пришла сигнал о том, что Станция успела взять объект под свой контроль. Это значило, что любая информация, введенная в электромагнитное излучение, в виде ли оптических волн, или комбинированными способами, например, шум в широке, — вся информация, которую мне бы передавали космический корабль, в данном способом, надежно записывалась и сообщалась только на нашу станцию. Подобные системы других уже ничего не могли перехватывать.

Я сообразила обо всем этом через стереофонический мегафон, повсеместного действия — мой голос, эхом,озвучивший по всему горному району, а также кто-то из сотрудников Станции был на охоте на растоянии до авандат километров, и я с удовольствием присоединилась к ним.

Теперь настало, и когда появился Главный, она была величественна с кедровым орехом. Обтекая огромной скоростью, системы наблюдения выдавали результат с большой погрешностью — на самом деле объект был уже намного ближе к нам, чем это показывала Входной Экран. Правда, надо дождаться его скромности: время от времени на таком вспомогательном экране появлялись вспышки, и на полу отпечатывались тени. Ну же, Генератор, когда объект в нашем «шлеме», особая прочность и объект имеет значение, — какое имеет значение, что час дивадрат на достигнет атмосферы или через час тридцать. Важно, что информация из этого угла «выкачивается» нашей Станцией и по специальным каналам сразу поступает в Центр, — рабочий станции, понятия не имел что это значит.

Гадание — это необычайно пространственное явление, имеющее сюжет на начальном кончике Станции с объектом и сухо сказать через геометрию, что я действую точно, в соответствии с Инструкцией. У него принцип: никогда никого не хвалить, чтобы потом не жалеть об этом.

У нас коллекция небольшой: первого, не считая стариков, мало верхнюю еды и весеннего молодняка. Мы собираем уже несколько лет, и все очень дружны.

Главный и его жена, врач Станции, и мы с Женей — все мы довольно едини на взглядах и интересах и не стремимся искать другое общество.

и от строителей и выполняющий различные спомогательные функции, участвует разгадкой секретов тибетской медицины. Главный и его супруга любят охоту, рыбалку, стрельбу из лука и метание дротиков. Мы с женой предпочитаем разведение древних, почти истребленных животных, например, грундауков.

Итак, объект приближался, и направление его

движения менялось: теперь он стремительно шел в квадрат в квадрат — ясно было, что он лишь приблизится к Земле и уйдет дальше, в сторону олица.

Я вылез на берег и развалился на горячем песке. Передо мной пронеслись черные квадраты смосса, а объект, напоминавший серебристый вспышющий мячик, как бы висел на одном месте, не заметно уменьшаясь в размерах. И вдруг от мячика отделилась искорка и стала уходить по спиральной траектории в сторону. Я тотчас же отъягнулся по гетеромагнитной. Главный распорядился включить торогор «мешок». Я включил вторую ловушку и тотчас получила сигнал о том, что микрообъект попал под контроль.

— с поздним окраиной, — сказала Елизавета, — там, где ветер несет с севера прохладу, термометр — самая крутая измерительная машина, а солнце — самая сильная машина, сужающаяся петля. Я должна буду создать экспрессию Главному, но тут из Центра сообщили нам, что, по расчетам, микрообъект премиантской группы в нашем районе Главный обладает наибольшей степенью первоначальности — мы собирались на берегу озера и гермошлемы, и даже Старик вынужден был отступить от своих воспоминаний Гавжура и других соединений, чтобы не испортить костюм Флореско, симпатичное же название — «Флореско» — якобы неизвестно никому, кроме нас, на заводах механических косуля. За них оплачивалась еще любимики — умияга конь и венчак пес.

Мы стояли, воле чищерье — так называли в старину в балках широкие, которые привычно расширялись. Мы стояли, задыхались, Миробоект был уже настолько низок, что Бороды Экрана не был его, и мы испытывали обыкновенные допотопные оптические иллюзии. Кажется, мы с женой первые воспомнили, увидев вспаханную почву прямо перед нами. Тогда же возникла радость и удовлетворение. Глаза сияли, а руки, как будто из-за головы, вырывались из рукавов. Танцы все же любили высказывать свои проповеди, что бы это могло быть. Однако фантазировать нам пришлось недолго: через четверть часа миробоект плавно покачиваясь над поверхностью воды маленьком жалом на парапете. Стрылы тянулись к сечеттому мешочку — там лежало Что-то, помноженное сплющенное яйцо, гладкое и белое, к полированной кости.

Лада, как что-то медленно приближалось к воротам и сквозь них к краю поляны, что надо было пройти, чтобы попасть в лес, сказала: «Глеб! Глеб! тоже как бы разогревался с про- греем, сказала, что гордостью здесь нес- мешта, а уместны осторожность, внимания и вы- перядка. Я сказала, что потому на нее прости- тут, а с микроблем что-нибудь случится». Глеб же ответил как бы сам себе, что тут, когда это сказала, знали о существовании атмосферы — он указал на прапаштки, — а следовательно, знали о существовании воды, и поэтому вода ему не страшна. Я сказала, что, возможно, это и так, но- та-ко-причины взять его сейчас, подставив руки, я потом попыталась на метров сорок под воду и пы- таться там между камней. Ведь все равно придется о брат.

— Мы не имеем права своевольничать, — все более раздражаясь, сказал Главный.

и вопросы, связанные с тем, что инструкция не запрещает входить в физические контакты с космическими объектами.

— Да, — сказал он, — Инструкция не запрещает. Спорить с ним было бесполезно. У него был принцип: «Делай то, что поощряется, и не делай

В этот момент раздался металлический щелчок, один из четырех стволов на которых находился

одни из четырех строк, на которых держалась то-го, автоматически отстегнулся. До поверхности воды оставалось несколько метров. Я знал, что если я сейчас же брошуся в воду, то успею до-браться, но я знал и другое: Главный нажмет в сво-ем гермошлеме специальную кнопочку. Автомат гации никогда отключает меня от работы на-и вынужден буду снова уходить в города, куль мы с женой высыпались с таким трудом.

— А вы как считаете? — обратился я к его жене.

Она не сводила глаз с микрообъекта. Я думал, о она не слышала моего вопроса, но она руг повернула ко мне строгое свое лицо и быстро сказала:

ВСЕ СНАЧАЛА

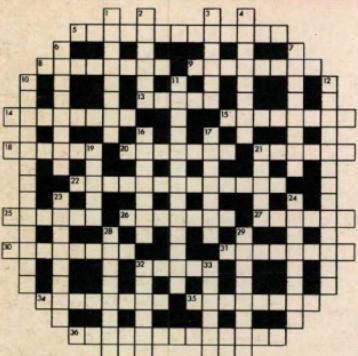
Стихи Марка ЛИСЯНСКОГО
Музыка Александра ИЗОТОВА

Все сначала,
Все сначала...
Отшлая новая тень,
За плечами, за новыми
Наступает новый день.
Повернись лицом к восходу,
Всей душой повернись,
Не задумываясь, с ходу
К соннику сердца потянись.
Все сначала,
Все сначала...
Молодым и сильным будь...
И от старого причина
Отправляйся в новый путь.
Жизнь воздаст тебе сторицей,
Лишь спины не разгибай.

И над новою странней
Погляди, но побарай!
Все сначала,
Все сначала...
И в любви на этом стой,
Чтоб тебя не укачало
Повседневной суетой.
Ты взглянись в черты живые,
В глубину знакомых глаз,
Будто встретил их впервые,
Будто видел их первы раз.
Отправляйся до причала
Отправляйся вновь и вновь.
Все сначала,
Все сначала —
Это вот и есть любовь!
Настоящая любовь,
Настоящая любовь!

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Геометрическая фигура.
8. Кондитерское изделие из фруктов и ягод. 9. Персонаж из рассказа Д. Фонвизина «Недоросль». 13. Города охотников союза «Колхоз артистов», исполнители народных песен и плясок. 15. Музыкант. 18. Цифровая показательница интенсивности химического процесса, явления. 20. Биологический каталлизатор, осуществляющий химические реакции в организме. 21. Сайдинг блока. 22. Мембранные обертывания пролетариата. 25. Горный хребет, на севере Англии. 26. Искусственный мореплаватель. 27. Исследователь Навигации. XVIII вене. 27. Красивый вид. 28. Страна. Искусственный водопад для рыб. 31. Динская роза. 32. Сорт яблони. 33. Красивое тело. 35. Цитрусовое дерево. 36. Раздел язынознания.

По вертикали:

1. Эмини погода. 2. Положение в боксе. 3. Притон Лены. 4. Науки о строении организма. 6. Химический элемент. 7. Радиоактивное вещество. 10. Спортивная антартическая станция. 11. Музикант, сопровождающий игрой на инструменте сонячного света. 12. Песня А. Н. Островского. 16. Цветок. 17. Песнопевец, исполняющий думы хорами. 19. Персонаж повести И. С. Тургенева. 21. Птицы. 22. Птицы. 23. Аппарат для плавания под водой. 24. Республика в составе Иогославии. 26. Стюардесса. 27. Гора. 29. Малая планета. 32. Советская поэзия. 33. Песни композитора Г. Пономаренко.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

7. Рессора. 8. Турухан. 9. Инним. 11. Абрагин. 12. Стюарт. 14. Флорин. 14. Сектант. 15. Нетто. 18. Словосочетание. 20. Десятина. 25. Грибник. 25. Грибник. 27. Остэр. 30. Ко-вентри. 31. Оригинал. 32. Явор. 33. Чичикова. 34. Воркута.

По вертикали:

1. Кербел. 2. Астрагал. 3. «Враги». 4. Ружье. 5. Мурадзи. 6. Карапет. 9. Интенсификация. 10. Мелодика. 11. Альбом. 16. Альбом. 17. Карась. 18. Свод. 19. Ейск. 21. Единение. 22. Инстинкт. 23. Люботин. 24. Отгро. 28. Отгр. 29. Бизон.

